Военные приключения

ПОД ТРЕМЯ БАШНЯМИ

Военные приключения

Николай Дмитриев

Под тремя башнями

«ВЕЧЕ»
2013

УДК 821.161.1311.3
ББК 84(2)

Дмитриев Н. Н.

Под тремя башнями / Н. Н. Дмитриев — «ВЕЧЕ», 2013 — (Военные приключения)

Совсем недавно отполыхала над Советской страной Великая Отечественная война… Но по-прежнему неспокойно на землях, присоединённых к СССР в 1939 году. В лесах всё ещё укрываются многочисленные банды бандеровцев, да и в городах встречаются разные люди. Особенно если под городом тянутся загадочные подземелья и всё ещё живы таинственные легенды о секретах старого замка…

УДК 821.161.1311.3
ББК 84(2)

© Дмитриев Н. Н., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Пролог 6
Маленький город 8
Танкетка в сквере 11
Новое знакомство 15
В верхнем замке 19
Пассажир с «Некрасова» 23
Дружеская беседа 27
Таинственные подвалы 31
Девочка с Ягеллонской 35
Странный нищий 38
Перестрелка в полночь 41
Загадочное рандеву 44
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Николай Дмитриев
Под тремя башнями

© Дмитриев Н. Н., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Пролог

Вагон плавно покачивался, и приглушённый стук колес едва доносился в купе. За широким окном летел сплошной зелёный занавес и только там, где он разрывался, открывались огромные аккуратно возделанные поля. Весёлый морячок, всю дорогу без устали забивавший по соседству козла, открыл дверь и потянул чемодан с полки.

– Подъезжаем, вещички пора складывать!

Худощавый мужчина, сидевший возле окна, поднял голову.

– Почему, мы же только Узловое проехали?

Морячок заинтересованно посмотрел на попутчиков.

Их было двое, отец и сын. Сын, застенчивый подросток лет пятнадцати, лежал на верхней полке и вежливо отмалчивался, а его отец, обычно поглощённый своими мыслями, сейчас явно недоумевал.

– А вы что, разве уже бывали здесь? – морячок оставил чемодан и присел на нижнюю полку.

– Бывал… – мужчина едва заметно улыбнулся. – Только давно.

– А-а… – догадался морячок. – Сына в родные места везёте.

– Ну, родился-то я далеко, – уточнил мужчина, – но, как когда-то говорили, в большую жизнь отсюда пошёл… – Мужчина откинулся на спинку дивана и мечтательно закрыл глаза. – Вот сейчас будет станция Восток-товарный, потом перецепят паровоз и задним ходом потянут состав к городскому вокзалу. Там станем над самой речкой и пойдём в город пешком, через низинку, через мостик, прямо на центральный холм…

– Ой-ой-ой! – морячок по-детски схватился ладонями за щёки. – Да вы сколько лет здесь не были?

– Сколько? – мужчина на секунду задумался. – Да, пожалуй, лет тридцать…

– Ого!.. – морячок даже присвистнул от удивления.

– А что, изменилось многое?

– Изменилось? Да тут новый город теперь!

– А старый как?.. Перестроили?

Голос у мужчины дрогнул, а его сын, заинтересовавшись разговором, свесился вниз.

– Ну нет, что вы. Совсем наоборот. Там всё как было, даже вокзал старый, что над рекой оставили, только станцию перенесли.

– Это куда же?

– А прямо на бывшую товарную!

– Там же ещё аэродром был? – изумился мужчина.

– Застроили! – весело рассмеялся морячок. – Всё застроили и аэропорт перенесли. Да и какие там самолёты были, небось «кукурузники»?

– Точно, «кукурузники». – Мужчина по-доброму улыбнулся. – Выходит, скоро город будет?

– Да вот он! – морячок вскочил и распахнул дверь.

Мужчина поспешно вылез из-за столика и, выйдя в коридор, замер перед окном. Поезд шёл вдоль густой россыпи новостроек, местами подходивших к самому полотну. Из-за домов поднимались высокие заводские трубы, одна из них густо дымила, закрыв верхушку плотным желтоватым клубком.

– Это наш северный промышленный район, – пояснил морячок, придерживая коленом норовившую захлопнуться дверь.

Подросток спрыгнул на пол и, став позади отца, тихо спросил:

– Что, всё изменилось?

– Ты же слышал, Старый город не трогали. – Отец усмехнулся, обнял сына за плечи и крепко прижал к себе. – Это здесь, когда меня самого звали Сашкой, было не так…

Маленький город

Тогда поезд медленно тащился мимо болотистых лугов, перелесков и только-только восстановленных полустанков. За дребезжащим окном ползли серые от времени соломенные крыши бесчисленных хуторов и голые пни сплошной вырубки, как бы подпиравшие колею, то и дело перемежаясь крохотными речушками.

И хотя проплывающий за окном пейзаж был непривычен, Сашка не удивлялся. С тех пор как отца взяли на фронт, им с матерью, оказавшись в эвакуации, пришлось поездить порядочно, и при желании Сашка мог вспомнить и маленькие мотающиеся на выходных стрелках теплушки воинских эшелонов, и томительные стоянки в тупиках, и безжалостную толкотню сортировочных.

Запомнились и сами вагоны, начиная от дачных с трамвайными скамейками и простых спальных с всё время дребезжавшими стальными проушинами бандажей верхних полок, до совсем уж невероятного великолепия древней развалины с бархатными диванами и императорским клеймом на раме, поданной под офицерские семьи в Ростове. Тогда ещё долго пришлось ехать вдоль донского разлива, и от самой насыпи чуть ли не до горизонта была только вода, из которой торчали перекошенные столбы линий электропередач с оборванными проводами.

А ещё из окон этих вагонов Сашка видел горы касок возле станций Поволжья, груды металлолома на платформах и битую технику у едва осевших окопов, а больше всего разбомблённых и расстрелянных эшелонов, сваленных под откосы и обгоревших до того, что от них оставались только ржавые тележки да искореженные металлические каркасы.

И после всего виденного, когда на последней станции паровоз, перецепленный в хвост эшелона, начал толкать состав перед собой, Сашка догадался, что ветка здесь тупиковая и городишко этот, куда они с матерью наконец приехали, должно быть, маленький, тихонький и захолустный…

Мысль о том, что они наконец прибывают, заставила Сашку оторваться от окна. Пробежав по подрагивающему полу в конец вагона, он заскочил в туалет и первым делом уставился в зеркало. Из обшарпанной рамы на него смотрел немного нескладный вихрастый парнишка с вздёрнутым носом и добела выгоревшими бровями.

Торчание возле окна не прошло даром: от крыльев носа вниз шли две угольные чёрточки, и Сашка торопливо застучал по рожку умывальника. Плеснув в лицо тёплой водой и чуть подвинувшись (сбоку на старое зеркало наползали чёрные чешуйчатые разводы), он удовлетворенно хмыкнул.

Умывание показалось ему достаточным и, поправив секущийся от бесчисленных стирок воротник мятой апаш-ки, Сашка выскочил в коридор, потому что за окном уже мелькнул решетчатый столб станционного семафора. Хлопец поспешно стал на кожух отопления и высунулся как можно дальше из окна.

Сначала показались приземистые пакгаузы, потом бесконечно долго тянулась воинская рампа, выложенная мелким булыжником, и только когда совсем рядом проплыла беленькая будочка с кирпичной, фасонно-выпуклой надписью «1909», и Сашка высунулся из окна почти по пояс, он увидел отца.

Отец (Сашка узнал его сразу), кирпично-загорелый и совершенно седой, стоял на самом краю перрона, выложенного почему-то бросившимися в глаза ребристожёлтенькими плиточками, и изо всех сил размахивал зажатой в кулаке военной фуражкой…

А вообще первое впечатление оказалось верным. Когда позднее, после бурно-радостной встречи, отец с матерью занялись друг другом и Сашка принялся глазеть по сторонам, он увидел, что вокзал, наверняка построенный ещё в царское время, маленький и привок-

зальная площадь с цветником посередине маленькая и даже ожидавшая их автомашина, «Опель-Кадет», тоже маленькая.

Сашка недоумённо посмотрел на четыре больших чемодана, где помещалось всё привезённое ими имущество, и оценивающе глянул на автомобиль. Багажника сзади, как у больших машин, конечно, не было, зато сверху, на специальных стойках крепилась прочная металлическая решётка, куда шофёр, весёлый улыбающийся парень в выцветшей гимнастёрке со следами погон, наверняка только что демобилизованный солдат, споро закинул багаж и на всякий случай привязал чемоданы явно загодя припасённым шнурком.

Конечно, «Опель-Кадет» не отвечал Сашкиным представлениям о солидных автомобилях, и тем не менее хлопец с удовольствием уселся на переднем сиденье, мама с отцом устроились сзади. Шофёр, которого отец называл просто Юрием, нажал стартёр, и, заурчав мотором, «Опель-Кадет» уверенно покатил узенькой мостовой, проложенной вдоль длиннющей казармы с красной звездой на воротах, а потом мимо серебристых баков нефтебазы, видневшихся с другой стороны дороги.

К сожалению, автомобильное путешествие оказалось коротким. Сашка ожидал, что они будут ехать долго, однако авто, миновав нефтебазу и домики предместья, въехало на холм и, обогнув что-то похожее на городской сад, свернуло в какую-то улочку и там остановилось возле особнячка с непривычно широкими тройными окнами и сетчатой оградой.

Новое жильё Сашке понравилось. Во время эвакуации им с матерью приходилось ютиться то в бараке, то в коммуналке, а то и просто под открытым небом на каком-нибудь полустанке или сортировочной. Конечно, на фоне таких воспоминаний двухкомнатная квартира, где они втроём жили перед войной, казалась верхом благополучия. Зато здесь, в особнячке, было аж три комнаты и большая кухня. Вдобавок ванна с дровяною колонкой, водопровод и туалет в самом доме, и ещё – под каждым окном стояли радиаторы совсем уж непривычного водяного отопления.

Да, такого жилья Сашка ещё не видел. В полном восторге осмотрев дом, он выскочил во двор, по дороге обратив внимание на люк в погреб и лестницу с перилами, ведущую на чердак. И тут мальчишку ждал ещё один сюрприз. Позади дома оказался густой сад. Правда, он был явно неухожен, но это не имело ровно никакого значения, и будь Сашке не пятнадцать, а меньше, он обязательно воткнул бы себе в волосы тройку петушиных перьев и взялся бы играть в индейцев.

Здесь его и нашёл отец, вышедший на заднее крыльцо. Увидев залезшего в кусты сына, он усмехнулся.

– Что, нравится?

– Ещё как! – Сашка выбрался на заросшую травой дорожку и спросил: – Мы что, теперь тут жить будем?

– Тут, тут, – заверил его отец и вдруг заговорщически подмигнул сыну. – Слушай, я вроде ещё не говорил, тут и речка есть. Дальше по улице прямо к воде выйти можно. Так что хочешь, купайся, хочешь рыбу лови.

– Да ну! – Сашка аж подскочил на месте.

– Вот тебе и ну, – усмехнулся отец и, потрепав сына по плечу, неожиданно предложил: – Ты вот что, пока мы тут устраиваемся, можешь сбегать, посмотреть. По той же улице, что мы ехали, пройдёшь дальше. Ты, наверно, заметил, она всё время вниз спускается, а как мостовая кончится, будет тропка прямо к реке. Только ты особо не задерживайся, понял?

– Понял! – весело крикнул Сашка и, не удержавшись, кругом огибая дом, бегом помчался к калитке.

Слово «речка» для Сашки имело магическое значение. Ещё малышом он запомнил специальный ящичек для бумаг, что всегда стоял на столе у них дома. На нём было нарисовано голубое озеро, зелёные заросли с жёлтой полоской берегового пляжа и белый треугольник

паруса, который словно звал в удивительные дали. И сколько себя Сашка помнил, он всегда мечтал оказаться на таком берегу.

До этого времени они с мамой жили только там, где никаких речек не было, и теперь, мгновенно проскочив улицей и отыскав тропку, Сашка надеялся, что сейчас увидит и широкий разлив, и заросли, и если не парус, то уж пароход обязательно. А когда всего этого не оказалось, мальчишка, откровенно говоря, разочаровался.

Заросший зеленью берег пахнул травой, а сама речка была узенькая, с прозрачной водой, местами укрытой ковриком водяных цветов. На другом, несколько возвышенном берегу росли кустики, и там, наверное, было неплохо рыбачить, но ни про пароходы, ни тем более про парусники и речи быть не могло. Правда, две рыбацкие лодки, привязанные цепью к вбитому в берег рельсу, тут были, но они своим видом больше напоминали обычное корыто и никакого впечатления на хлопца не произвели. Но как-никак это была река, где по крайней мере можно было купаться и, покрутившись минут двадцать на берегу, Сашка отправился восвояси.

Дома Сашку ждал накрытый по-праздничному стол, и, хотя мебели особой пока не имелось, и даже чемоданы ещё не были разобраны, а просто поставлены один на другой, в самой атмосфере чувствовалось что-то такое, что заставило Сашку, проголодавшегося за дорогу и сейчас уписывающего за обе щеки, спросить:

– Мы теперь как, здесь останемся или дальше опять поедем?

Родители, уже успевшие пропустить по рюмочке, благодушно улыбаясь, переглянулись, и отец веско, со значением сказал:

– Всё, сынок, переходим на мирные рельсы. Меня снова по строительному делу определили, так что окапываемся прочно.

– Да не окапываемся, обживаемся, – счастливо рассмеялась мать и, наклонившись, поцеловала Сашку.

– Ну, пусть обживаемся. Да, и вот что, – отец посерьёзнел и строго посмотрел на сына. – Я тут тебе товарища толкового подыскал, а то ты у меня как есть пацан…

– Чего это, – фыркнул Сашка. – Что я, сам не найду?

– Разговорчики! – весело оборвал его отец и, притянув Сашку к себе, сказал: – Давай, сын поговорим серьёзно. Ты вон в комсомол вступил, а кое-чего не понимаешь. Мы с тобой теперь, почитай, на самой границе живём, и советская власть тут с 39-го года только. И ещё немцы тут сколько были. В общем, запомни, народ тут всякий. Про тех, кто нас ждал, я не говорю. Не о них речь. А я про буржуйских последышей речь веду, ярых пособников немецких и про куркулей местных, что по хуторам окопались, они, брат, немцам открыто служили, знали, советская власть для них – нож острый, так что за свой интерес кому хочешь служить будут…

– Это ты про бандеровцев? – Сашка посмотрел на отца. – Так мама ж говорила, их вместе с немцами выгнали.

– То мама, – отец вздохнул и потрепал сына за волосы, – а мы ж с тобой мужчины… В общем, знай, кто ушёл, а кто и нет. Кого оставили, кто и сам остался, им тоже по заграницам мыкаться невелика радость. Эти на всё пойдут. Запомни крепко всё, что я тебе сейчас сказал.

– Угу, запомню, – Сашка кивнул и посмотрел на отца.

В праздничной атмосфере встречи на какое-то мгновение возник диссонанс, но в скором времени общая радость от того, что все снова вместе, взяла верх, и дальше для Сашки все остальное слилось в один бесконечно-счастливый круговорот. А ещё от этого дня остался запах необжитых комнат и ощущение безмерного счастья, с которым Сашка заснул в наспех разобранной матерью прямо на полу постели…

Танкетка в сквере

Наутро мать растолкала Сашку чуть свет. Сашка, сонно протирая глаза кулаком, вышел во двор, увидел начинающийся знойный день, и его сразу переполнило захватывающее чувство новизны. Он заглянул в коридор, пощупал перила ведущей наверх лестницы, балуясь перескочил через крышку подпола и вошёл в кухню.

Нет, никогда ещё мать не казалась Сашке такой красивой, как сегодня. Ловко нарезая пластинки розовой консервированной колбасы, она улыбалась, и даже мелкие, еще вчера забитые паровозной копотью морщинки, казалось, куда-то исчезли.

Заметив Сашкино удивление, мать счастливо расхохоталась и лукаво, совсем как когда-то давным-давно, поманила его пальцем. Потом, завернув бутерброд в обрывок пергаментной бумаги, она, успевая одновременно приглаживать Сашкины вихры ладонью, сыпала весёлой скороговоркой:

– Отнесёшь завтрак отцу. Он сапёров вызвал. Тут рядом. Вверх по улице и там дом сразу за сквером. Увидишь. Ты сквер помнишь?

– Ясное дело, помню, – Сашка запихнул в рот колбасный обрезок, весь облепленный кусочками ещё не растаявшего желе, и взял свёрток.

Улочка плавным заворотом круто шла вверх. Своеобразные, в полтора и два этажа домики, ступеньками повторяли изгиб улицы. Один дом был и вовсе странный, его словно разрезали вдоль по коньку крыши, и он так и стоял, одной половинкой к тротуару.

Сначала он показался Сашке разрушенным, но, присмотревшись, он понял, дом так и строили, на глухой стене кирпич даже успел побуреть от времени. Впрочем, следов войны хватало и здесь. Сразу за домиком-половинкой возвышался огромный домина с напрочь выгоревшими окнами. От его верхнего этажа осталась одна, торчащая коробкой, квартира и вокруг по образовавшейся плоской кровле тянулись бельевые верёвки.

Сквер открылся сразу за угловым домом. Наверное, раньше тут была площадь, и теперь зелень образовала ровный прямоугольник, отделённый от тротуара полосой мощённого в «ёлочку» проезда. Сашка перебежал мостовую и, нырнув под низковисящие ветки, все сплошь в бледно-жёлтеньких серёжках липового цвета, выбрался на аллейку, пересекавшую сквер наискось.

Пройдя шагов тридцать, Сашка остановился. Самый центр сквера, замкнутый в каре молодых лип, занимало солдатское кладбище. Обрамлённые зеленью и цветами красные фанерные пирамидки со звёздочками тянулись вдоль песчаной дорожки, а в конце её, на травяном холмике, стоял самый настоящий танк.

Сашка медленно дошёл до конца дорожки и, поколебавшись секунду, начал обходить танк кругом, осторожно пролезая между кустиками жасмина. В правом борту танка виднелась большая пробоина, старательно прикрытая отдельным куском железа. Скорей всего, танк подбили где-то недалеко и, не ремонтируя толком, оставили здесь как памятник.

Сашка повернулся, собираясь вылезать на дорожку, и тут же машинально присел. Кто-то очень быстро шел к танку. Поскрипывание гравия казалось почти беспрерывным, и Сашка, не желая, чтоб его увидели, на всякий случай пригнулся ещё ниже.

Скрип гравия оборвался. Сашка, чуть отогнув ветку, выглянул и с удивлением увидел, что возле танка стоит женщина. Взявшись за гусеницу, она приподнялась на цыпочки и положила на броню букетик цветов. Потом отступила на шаг и, наклонив голову, перекрестилась по-католически.

Теперь Сашка рассмотрел её хорошо. Женщина была очень пожилой, сморщенной и в то же время в сухой и тонкой фигуре, в резких, по-молодому лёгких движениях ещё

не было ничего старушечьего. Скорее наоборот, строгая чёрная одежда придавала женщине особую моложавость.

К счастью, положив цветы, женщина у танка не задержалась, и, едва она исчезла за деревьями, Сашка поспешно выбрался на дорожку. Сконфуженно отдуваясь (уж больно в несуразном положении он очутился), Сашка в последний раз оглянулся на башню с лежащим под стволом букетом и заторопился к выходу.

Пока он раздумывал, где искать отца, сквер кончился. Сашка поглядел по сторонам, зачем-то оглянулся на арку, которой заканчивалась аллея, и удивленно присвистнул. С этой стороны сквера города не было. Две широкие, тщательно расчищенные магистрали сходились здесь под прямым углом, а от домов остались только поросшие сорной травой кучи щебня и аккуратно пересекавшие тротуар каменные водостоки.

Правда, один дом всё-таки был. С углом, срезанным взрывом, весь в трещинах, с исклёванной осколками штукатуркой, он, уцелевший каким-то чудом, стоял на краю огромного пустыря и словно Феникс, возрождающийся из пепла, с одной стороны уже оделся новенькими лесами. Вспомнив слова матери о доме за сквером, Сашка покрутил головой и прямиком направился к видневшемуся рядом с лесами штабелю кирпича.

Отец был здесь. Стоя рядом с большой кучей мусора, он жестами подавал команды шофёру грузовика. Сашка подошёл ближе и увидел, что в свежевыкопанной траншее лежит длинная и ржавая, чем-то похожая на селёдку бомба-пятидесятка. Сапёр-сержант медленно сдавал «студебеккер» назад и, свесившись из кабины, следил за задними колёсами.

Наконец грузовик встал как нужно, и отец, взяв Сашку за плечо, отошёл с ним подальше, за угол дома. Протягивая отцу завтрак, Сашка вспомнил о сапёрах, спрыгнувших в траншею, и спросил:

– А она не взорвётся?

– Нет. – Отец развернул свёрток и пояснил: – Взрыватели уже сняли.

Сашка чуточку разочарованно вздохнул (бомба без взрывателя его никак не интересовала), и он оглянулся по сторонам.

– Тут их, наверно, много ещё…

– Надеюсь, последняя. Завтра работа полным ходом пойдёт. Думаю, к концу лета первый дом отремонтируем.

– Слышь, па… – Сашка потянул отца за рукав. – А чего тут всё разбито? С той стороны шёл, город вроде целый, а с этой вышел – пустырь.

– А ты вон те улицы видишь? – Отец показал на тщательно расчищенный перекрёсток. – Историческая, можно сказать, магистраль. По ней, брат, ещё французы топали. Мне мать говорила, как ехали, ты всё у окна торчал, полагаю, заметил, тут низина кругом и вода, вода. Так что для войск это одна дорога была и тогда, и теперь. Немцы тут в 41-м войска наши отрезать хотели, ну и, сам понимаешь, бомбили нещадно.

– А-а-а, – Сашка понимающе кивнул и начал: – От нас сюда и вправду вверх идти, а вчера поезд всё мимо болот тащился…

Но отец, явно занятый делом, оборвал разговор и, ободряюще тряхнув сына за плечо, приказал:

– Об этом мы потом поговорим, а сейчас живым духом домой, матери помогать. Скажешь, к обеду домой буду.

Дома дым стоял коромыслом. Все окна, двери и даже подвальный люк были распахнуты, открыв дорогу сквознякам, разносившим запахи прели, воды и свеженатёртого паркета. Сашке тоже нашлось дело. Вооружившись найденной в подвале отвёрткой и высунув от усердия язык, он скрёб, подгоняя на место забухшие оконные рамы, и старательно выковыривал скопившуюся под шпингалетами грязь.

Сашкин отец пригласил кого-то из местных на помощь, и сейчас, пока Сашка сосредоточенно ковырял гнездо шпингалета, пожилая женщина, стоя на подоконнике, тщательно мыла стёкла. При этом она тихо, почему-то выбрав Сашку в собеседники, с трагическими интонациями в голосе рассказывала:

– Поубивалы всих. И дидов, и жинок, и диточок. А хаты спалили и скотину до себе свели. От таки в нас булы сусиды.

– А кто они, немцы? – довольно безразлично спросил Сашка.

– Ни, то булы не нимци. То поляки…

– Я знаю, – кивнул Сашка и, не впервые слыша о зверствах немцев, уточнил: – Полицаи.

– Як бы-то так, – вздохнула женщина и умолкла.

К обеду весь дом сиял, и когда в передней заслышался знакомый смех, Сашка с сознанием выполненного долга помчался встречать отца. Как и обещал, отец пришёл вовремя и, первым делом тщательно вымыв руки, сел за стол, где его уже ждала тарелка борща.

Сам Сашка, всё время что-то перехватывавший на кухне, особо есть не хотел, но сидеть за столом вместе с отцом и матерью было невыразимо приятно, и он сам не заметил, как умял такую же, как у отца, тарелку борща, а потом принялся за салат из молодого лука.

Мать же, впервые за последние годы вот так, посемейному, сидя за столом вместе с мужем и сыном, наоборот, почти ничего не ела, а только, счастливо улыбаясь, подкладывала на тарелку то одному, то другому, лишь время от времени выбегая на кухню, чтобы принести ещё что-нибудь.

Сашку так и подмывало расспросить отца и о танкетке, и о магистрали, но он сдерживался, вежливо слушая, как мать задавала вроде бы ничего не значащие вопросы, на которые тем не менее немедленно получала обстоятельные ответы.

И удивительное дело, в обычном застольном разговоре ни разу не была упомянута только что окончившаяся война, а всё сказанное впрямую касалось дальнейшего быта, возможности более или менее обставить дом и далеко ли школа, в которой Сашке предстоит учиться дальше.

Зато позже, когда обед кончился и мать начала убирать со стола, Сашка, быстренько унеся тарелки на кухню, увязался за отцом, вышедшим покурить в коридор, и первым делом спросил:

– Па, а чего здесь танк стоит, в скверике?

– Танкетка, – уточнил отец и, пустив вверх струйку дыма, пояснил: – Город в обход брали. Так вот на ней разведчики дорогу перехватили и держали сколько надо.

– А чего в обход? – Сашка солидно кашлянул. – Если танки, можно и прямо.

– Оно-то так, – усмехнулся отец. – Да в обход вроде сподручнее. И потом, сынка, город тут особый, даже приказ был по возможности не разрушать, вот и решили в обход…

– А чего тут особого? – удивился Сашка. – Дома да дороги.

– Э, не скажи, сынок… Город старинный, можно сказать исторический, и опять же война кончалась. Жить людям где-то надо, так чего ж зря всё подряд рушить, если можно без этого обойтись.

– Чего уж рушить! – фыркнул Сашка. – Вон там, где ты дом ремонтируешь, вообще ничего нет.

– Тем более, поберечь стоило. – Отец затянулся папиросой в последний раз и ловким щелчком выбросил через открытую дверь окурок во двор. – И хватит об этом. Давай-ка, сынок, на чердак заглянем.

– А чего там? – мгновенно заинтересовался Сашка.

– Увидишь. – Отец потрепал сына за волосы и, взявшись рукой за перила чердачной лестницы, начал первым подниматься наверх.

Во время генеральной уборки руки до чердака как-то не дошли, и Сашка, считавший, что там ничего, кроме кучи хлама, нет, несказанно удивился. Во-первых, на чердак вел не обычный поднимающийся люк, а небольшая, но вполне нормальная дверь. А, во-вторых, когда вслед за отцом Сашка вошёл в неё, то оказался вовсе не на чердаке, а в небольшой уютной комнатке с косым потолком и окошком, выходящим в сад. Мебели, правда, если не считать старого венского стула и обычного топчана, не было, но от одной мысли, что тут можно жить, у Сашки захватило дух. Состояние сына не укрылось от отца, и он, опускаясь на топчан, притянул Сашку к себе и, усадив рядом, спросил:

– Ну что, нравится?

– Спрашиваешь!.. – Сашка, всё ещё рассматривая комнатку, восхищённо покрутил головой.

– Так считай, комната твоя. Первое время на топчане этом поспишь, а потом и стол тебе поставим и вообще что-нибудь придумаем, – заключил отец и дружески потрепал Сашку по колену.

Новое знакомство

Сашка проснулся поздно и в первый момент не мог понять, где находится. Но это состояние длилось всего лишь секунду. Уже в следующий момент он откинул одеяло, вскочил на ноги и, подбежав к окну, настежь распахнул створки.

Он вспомнил вчерашний день и радостно рассмеялся. Впервые его признали взрослым и выделили ему отдельную комнату! То, что она была под самой крышей и потолок походил на трапецию, Сашку не смущало, скорее наоборот, и сама комната, и крутая лестница, по которой приходилось подниматься сюда из коридора, приводили его в восторг.

Через распахнутое окно лился тёплый дух сада и тонкий, едва различимый запах реки. Сашка прилёг на подоконник, перегнулся через карниз и заглянул во двор. Отсюда, сверху, дорожки выглядели как полоски, выложенные мозаичными квадратиками, а бочка с дождевой водой казалась живым тёмным зеркалом в круглой бархатно-коричневой оправе.

– Эй, соня, живой ногой мыться, завтракать и чтоб успел, пока я тут прикидываю…

Сашка повернул голову и увидел отца, стоявшего на заросшем травой въезде. Отец пытался открыть гараж, но набранные доской «в ёлочку» ворота осели в землю и не поддавались. Безошибочно угадав в отцовской интонации что-то весьма интересное, Сашка приложил максимум старания и минут через пятнадцать выскочил к гаражу.

– Готов? – отец оценивающе посмотрел на сына и, стряхнув осевшую на рукаве пыль, пошёл к калитке.

Шлёпая разбитыми сандалиями по плиточкам тротуара, Сашка так и вился кругом отца, изо всех сил пытаясь скрыть распиравшее его любопытство. Глядя, как выскочивший вперёд Сашка скачет по бордюру, отец усмехнулся.

– Как есть вахлак, – и потом уже совершенно серьёзно закончил: – Ты пойми, мы теперь не в бараке живём, а лето только начинается. В общем, я, как и обещал, тебе товарища нашёл. Он местный, всё знает и, если что…

– Что, если что? – не понял Сашка.

– Ну, так, – отец на секунду замялся, но потом всё-таки пояснил: – Не хочу я, чтоб ты неизвестно с кем знался. А это парень надёжный, я и его семью знаю, как-никак с его отцом вместе работаем.

Пока хлопец размышлял над словами отца, они прошли сквер, и Сашка увидел, что немного в стороне от центрального входа вроде именно их ждал пожилой, седоватый человек, а чуть сбоку от него как-то особняком держался длинноногий паренёк с шапкой густых, добела выгоревших на солнце волос.

Сашкин отец поздоровался с обоими, после чего повернулся к сыну.

– Ну вот, Александр, знакомься. Этого мальчика зовут Мирослав, он покажет тебе город и все прочее…

Отец подмигнул Сашке, и они вместе с пожилым, отправились в сторону стройки, оставив обоих мальчишек у входа в сквер.

Некоторое время Сашка молчал, рассматривая Мирослава. Нельзя сказать, чтобы он уж очень ему понравился, но делать было нечего. Сашка по-взрослому протянул Мирославу руку и представился:

– Сашка.

Мирослав улыбнулся доброй застенчивой улыбкой, сразу изменившей его насупленное лицо, и, пожимая Сашкину ладонь, сказал:

– Мирек. Я хотел на речку пойти, пойдёшь?

– Конечно! – Сашка тряхнул головой. – С тобой тоже отец был?

– Нет, отчим. – Улыбка Мирека сразу погасла, и после короткой паузы он повторил: – Так ты идёшь?

Почувствовав, что об отце спрашивать не стоило, Сашка некоторое время шел молча и только позже, обратив внимание, что они вроде бы идут не туда, как бы между прочим поинтересовался:

– Это куда мы?

– А мы сначала за Ярком зайдём, это приятель мой, – пояснил Мирек и закончил: – Я вас познакомлю, а потом уже на реку.

– А чего ты его сразу не взял? – удивился Сашка. – Река-то вон где, это ж сколько назад топать…

– Не надо топать, – засмеялся Мирек. – Тут река вокруг течёт.

Они долго шли по Киевской улице, застроенной низенькими, лепящимися друг к другу домиками, и Сашка с удивлением заметил, что город, показавшийся ему крохотным, не так уж и мал. Правда, дома здесь уже не походили на городские, поскольку вокруг них были цветнички, деревья и большие дворы, где сновали куры, гуси, утки, а из некоторых, стоявших в глубине сараев, доносилось коровье мычание.

Ярослав, или просто Ярко, жил за еврейским кладбищем на Вульке. Мирек пояснил, что это село, слившееся с городом, да и дом Ярки больше смахивал на сельский. Единственное отличие – деревянная верандочка, служившая раньше парадным входом, была заколочена и вся заросла кустами одичавшей сирени.

Мирек сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул. Однако никто не показывался, и свист пришлось повторить дважды, прежде чем слева из сирени показалась круглая рыжая голова.

– Ну чого ты репетуешь, тут я…

– Я долго свистеть буду? – рассердился Мирек. – Договорились же, а тебя чёрт где-то носит!

– У меня хозяйство, – рассудительно отозвался Ярко и добавил: – Выходите на тропку, пока обойдёте, я дожену.

– Пошли, догонит, – фыркнул Мирек и потащил Сашку за собой.

Ярко догнал их быстро. Шлепая по дороге разбитыми башмаками и поминутно подтягивая съезжающие штаны из серой хлопчатки, он скромно пристроился возле Мирека с любопытством поглядывал на Сашку.

– Как хозяйство, так он скажет, а как здрасьте, так не… – Мирек подтолкнул Ярку плечом и повернулся к Сашке. – Видал, стесняется.

– А чего меня стесняться? – искренне удивился Сашка и, протягивая Ярке руку, спросил: – Река-то ваша тут где? А то Мирек грозился, она у вас кругом, а пока не видно.

– Сейчас выйдем, сюда давай… – Ярко неспешно перелез через сломанную жердину.

Пройдя вслед за ним вдоль покосившегося штакетника, мимо сараев и огородов, хлопцы по узенькой тропинке выбрались на косогор. Внизу разливался широкий речной плёс, а за ним тянулся огромный луг, постепенно переходивший в небольшие холмы, над которыми плыло знойное марево. Правей пойму пересекала насыпь, заканчивавшаяся деревянным мостом. По его настилу ползла гружёная телега, и Сашка видел, как чалая лошадёнка махала головой в такт каждому шагу.

– Туда пойдём, – Ярко махнул рукой на плёс, до которого оставалось ещё метров сто. – Там вчера вулькинские хлопцы плиту каменную стащили, такую прыгалку сделали, закачаешься.

Плита, пристроенная к самому краю берега, лежала прочно. Подпёртая снизу большим обломком и прикрытая по краям дерном, она далеко нависала над водой, образуя нечто похожее на трамплин.

Сашка остановился у самого края, опасливо посмотрел на бежавшие по стрежню мелкие водовороты и показал на другой берег.

– А там что?

Вдоль противоположной стороны по воде тянулся сплошной тёмно-зелёный ковёр водорослей, густо пестревший ярко-желтыми цветами кувшинок. В одном месте он разрывался, и там, под нависающими с берега кустами, виднелось что-то вроде заливчика.

– А то протока вокруг острова. Если хочешь, сплаваем. – Мирек бесцеремонно стащил Сашку с плиты и крикнул: – Ярко, давай скочь первым, на остров поплывём!

До протоки первым добрался Сашка, которому при одном слове «остров» начинали мерещиться пираты, клады и одноногий капитан Сильвер с его попугаем. Встав на дно, Сашка уцепился руками за куст и, раздвигая руками листья, осторожно двинулся вперёд.

Густые, переплетённые между собой ветви, пропускали мало света, и над протокой стоял таинственный сумрак, только кое-где помеченный солнечными бликами. Особенно неприятно выглядела тёмная вода, и, хотя глубина оказалась всего по пояс, Сашке было как-то не по себе.

Протока кончалась пятачком чистой воды с маленьким песчаным пляжем, выходившем на остров. Впереди кусты снова смыкались, но уже не так плотно, и сквозь них виднелся противоположный берег. Сашка выскочил на песчаное мелководье и, поднимая тучу брызг, принялся весело отплясывать и кричать, подражая Сильверовскому попугаю:

– Пиастр-р-ры, пиастр-р-ры!!

– Эй ты, попугай, а где же капитан Сильвер? – расхохотался Мирек.

– Там! – Сашка тут же ткнул большим пальцем себе за спину и, прижмурив один глаз, скорчил «пиратскую» физиономию.

– Так лезем туда! – и Мирек первым начал решительно продираться через кусты.

Слегка поцарапавшись, ребята взобрались наверх и расположились на крохотной полянке. Отсюда можно было видеть и излучину реки, и другой берег, и косогор невдалеке, испятнанный светлыми плитами еврейского кладбища, а немного выше – и густо теснившиеся ближайшие домики стоявшего на возвышенности городка.

– А что если тут клад поискать, может, чего и найдём? – вдруг заявил Сашка и так взялся шарить кругом глазами, что, глядя на его старание, Ярко не выдержал.

– Нашёл где искать… У нас больше в бывшем гетто, ну там, где немцы евреев держали, шукают. Один дядька печку развалил и серебряные ложки нашел. Двенадцать штук.

– Подумаешь, ложки! Такой «клад» где хочешь найдётся, – Сашка пренебрежительно хмыкнул. – Разве ложки клад?

– Кому и ложки клад, – рассудительно возразил Ярко.

Сашка сообразил, что Ярко имеет в виду послевоенную разруху, и с жаром принялся пояснять:

– Да нет, ребята, я про другой клад. Настоящий. Чтоб там и золото, и серебро, и драгоценности.

– В общем, как в книжке? – скептически ухмыльнулся Мирек.

– Ну да, – согласился Сашка, на что Ярко, усаживаясь рядом, хмыкнул и подмигнул Мирeку.

– Це я знаю, де такий клад шукать треба.

– Где? – оживился Сашка.

– У Заглушецкой Брамы! – весело фыркнул Ярко.

– Какой ещё заглушецкой? – не понял Сашка. – Где это?

– А нигде, – лениво отозвался Мирек. – Присказка тут такая. Эта Заглушецкая Брама вроде есть, вроде нет, и где была, не знает никто.

– Присказка, значит? – обиделся Сашка. – Выходит, где клад искать, не знают, потому так и говорят?

– Где клад искать, знают. В замке. – Мирек благодушно улыбнулся, завалился на спину и с наслаждением зажмурился, подставляя бок солнцу.

– В каком замке? – у Сашки разом загорелись глаза.

До сих пор он видел замки только на картинке и читал о них в книжках. О том, что где-то вот так может сохраниться настоящий замок, он и мысли не допускал.

– В нашем, – Мирек пожал плечами.

– Слушай! – Сашка подпрыгнул на месте и от нетерпения начал трясти Мирека за руку. – Своди меня туда! Я никогда в настоящем замке не был…

В верхнем замке

Хлопцы стояли, задрав головы вверх. Они только что пересекли грязный майдан, где теснились крестьянские телеги, чавкали в навозной жиже лошадиные копыта и громко переругивались подвыпившие дядьки. От майдана к крепостному холму тянулась узенькая тропинка, и сейчас позади ребят был старинный замковый ров, подёрнутый тиной, а прямо перед ними начинался крутой склон, переходящий в откос, густо заросший молодым кустарником.

Там, на самой вершине холма, как бы придавливая его своей тяжестью, стоял замок. Издали, если смотреть от базарного майдана, он казался изящным, даже воздушным, со всеми своими зубцами и башнями, чётко прорисованными на фоне неба, и только здесь, в тени массивных замковых стен, становилось ясно, что это мощное крепостное сооружение было в своё время неприступным.

Вдоволь наглядевшись, ребята начали подниматься. Тропинка, петлявшая по склону, местами шла так круто, что приходилось идти нагнувшись, упираясь руками в колени. Примерно на середине подъёма Сашка задержался. Отсюда хорошо были видны кирпичи давней кладки, над ними изъеденные временем, полуразвалившиеся зубцы с уходящими вглубь узкими бойницами и снизу, у самой земли, треугольный пролом в стене, где и исчезала тропинка. Сашка восхищённо покачал головой и полез вверх, догоняя товарищей.

Пролом выводил внутрь замка. Замковый двор, неправильный треугольник с башнями в каждом углу, полого спускавшийся к воротам, был замусорен и пуст. Сашка, попавший сюда впервые, долго смотрел во все стороны, а потом махнул рукой на воротную башню, самую высокую из всех трёх.

– А туда влезть можно?

– А чего ж нет? – Мирек пожал плечами. – Пошли.

Он подвел ребят к груде битого кирпича, заросшего сорной травой, и показал на стену с крупными выщерблинами.

– Вот тут надо лезть.

Цепляясь за еле заметные выступы, упираясь в края руками и помогая друг другу, они вскарабкались на полуразрушенную дозорную дорожку, проходившую по самому верху стены позади зубцов с бойницами. Через эти бойницы, уступом уходившие в кирпичную кладку, хорошо просматривались пойменный луг, окружавший замок, и частью пересохшая речная старица.

Дверь в башню уцелела, но от винтовой лестницы остались только выступы из обломанных кирпичей, и по ним пришлось лезть чуть ли не на четвереньках. Лестница кончалась стрельчатой аркой, выводившей на площадку, засыпанную мелкой щебёнкой и мусором. Наверно, верхний башенный свод рухнул, и теперь вместо потолка синело яркое небо, очерченное неровным квадратом зубцов.

Сашка подбежал к стене и выглянул через разбитое, потерявшее свою форму окно. Напротив башни высился костёл с тремя потемневшими куполами. За ним шатром торчали обгорелые стропила, а дальше полукругом шли замшелые, рассевшиеся крепостные стены в окружении разномастных черепичных, железных и толевых крыш.

Сашка высунулся подальше и увидел, что от второй винтовой лестницы остался только маленький нависающий балкончик, а низ башни, срезанный как ножом, был засыпан огромной грудой битого кирпича.

– Это что, развалилось, что ли? – обернулся к Мирeку Сашка.

– Ты что! Немцы разбомбили! – Мирек уселся рядом на тёплую плиту подоконника. – Сюда бомба попала и в костёл тоже, вон как потрескался.

– Ага, вижу. – Теперь и Сашка заметил, что стену костёла покрывала сетка больших и малых трещин. – И зачем было бомбить?

– А спроси их! В сорок первом по Згариську били, а как наши их вышибли, только и знали, что Старый город бомбить.

– Згарисько – это что, там где сгорело? – догадался Сашка.

– Ну да, – подтвердил Мирек.

Сашка некоторое время смотрел молча, потом показал на осыпавшиеся остатки дальней стены.

– Там что, тоже замок?

– Ага, только Нижний.

– Не понял, – Сашка недоумённо посмотрел на Мирека. – Какой ещё нижний, а это тогда какой?

– Это Верхний, – спокойно пояснил Мирек. – Вон смотри.

Он плавно повёл рукой, показывая на речной изгиб, петлёй захвативший месиво латаных крыш, теснившееся внизу.

– Вон та длинная крыша, что вдоль реки, то монастырь Бригидки, а справа от него – монастырь Шариток. А прямо, – Мирек подлез с другой стороны и немного потеснил Сашку, – вон тот дом впритык к костёлу, монастырь иезуитов, видишь?

Теперь и Сашка выделил из общей сумятицы контур ещё одного крепостного обвода, чётко очерченный монастырскими крышами и замкнутый старой стеной с обгоревшей башней.

– Так, значит, то башня уже Нижнего замка? – Сашка показал на косо торчавшие, почерневшие от огня стропила.

– Ну да, башня Гнездецкого.

– Это чего имя у неё, что ли, своё?

– Конечно. У каждой есть имя, – Мирек даже удивился Сашкиному неведению. – Вот это Воротная, возле рва Владычья, над рекой Княжеская, а прямо Въездная была, только её разобрали.

– Вот здорово, – Сашка восхищённо покачал головой. – Слушай, а почему башня Гнездецкого сгорела?

– Так, когда бомбили, туда тоже попало. Правда, там только крыша сгорела, а чтоб покрыть заново, это знаешь, сколько труда надо, – покачал головой Мирек.

– А вообще-то немного сгорело… – словно отвечая на какие-то свои мысли, раздумчиво протянул Сашка.

– Тебе мало? – Мирек соскочил с подоконника и сердито потащил Сашку к другому окну. – Ты вот сюда посмотри!

Только отсюда, с высоты сорокаметровой башни, Сашка понял, почему город казался ему то маленьким, то большим. Новая застройка, отделённая от замка болотистой поймой, двумя параллельными улочками пересекала соседний холм, а от неё, обстроенное со всех сторон маленькими домиками, уходило то самое Киевское шоссе.

– Вон оно Згарисько, – Мирек показал на странно пустующую плоскую вершину холма, – там всё сгорело.

– Постой, постой, – догадался Сашка, – так то ж тот перекрёсток, что возле сквера! Мне отец говорил, там главная магистраль.

– Точно, магистраль. – Мирек сморщился, как от зубной боли, и отвернулся. – Там три дня сплошной пожар был. Кто уцелел, на Вульку уходили, а мы и не пробовали, на Яровице сидели. Это там, за вокзалом. Мама у меня врач, так мы прямо в больнице и были. Вроде и бомбили меньше, а всё равно стенки, как живые, тряслись.

– Это да, – согласился Сашка, – бомбёжка, она бомбёжка и есть…

Он некоторое время сосредоточенно рассматривал городскую панораму, а потом повернулся к Ярке, всё это время ковырявшемуся возле разваленного камина.

– Слышь, Ярко, а ты что, по другую сторону Згарись-ка, на Вульке был?

Ярко сердито зыркнул глазами и, не отвечая, полез вниз к выходу.

– Чего это он? – Сашка недоумевающе посмотрел на Мирека.

– Чего, чего… Отец у него в рабочей милиции был. Милиционеры с Вульки в огонь пошли, чтоб войска пропустить, считай, все там и остались.

– А я разве знал? – Сашка развёл руками. – А ты тоже, всё Згарисько, Згарисько, вот я и думал…

– Думал, думал, – передразнил его Мирек, – надумал… Идём я тебе лучше подземный ход покажу.

– Это что, туда? – Сашка указал на разрушенный колодец второй, тоже винтовой лестницы.

– Нет, назад во двор надо…

Спустившись уже знакомым путём во двор, Мирек подвёл Сашку к воротам и показал на вытянутую дыру в боковой стене въезда.

– Здесь.

Два высоких арочных проёма насквозь пронизывали башню, выводя крутую, мощённую мелким булыжником дорогу с внутреннего двора на замковый мост. Поглядев на выщербленные края высоко поднятого над землёй входа, Сашка с сомнением покачал головой и махнул Ярке, удобно пристроившемуся в холодочке въезда.

– Это что, там вправду подземный ход?

– Там, – Ярко примирительно улыбнулся. – Мирек тебе покажет.

Помогая друг другу, Мирек и Сашка взобрались наверх и оказались на крохотной площадке, напоминающей коридор.

– Вот спуск, – сказал Мирек и подтолкнул Сашку вперёд.

Сразу за площадкой был провал, но света из затенённого въезда доходило мало, и что там внизу, рассмотреть не удавалось.

– Этот? – Сашка склонился над краем. – А глубокий?

– Да в мой рост, – ответил Мирек и пояснил: – Там, как слезешь, надо пройти немного и потом ступеньки будут.

Сашка внимательно оглядел Мирека с головы до ног, словно примериваясь к его росту, и вдруг, прикрыв лицо руками, как-то боком прыгнул в чёрную пустоту.

– Ты что, чумной? – Мирек инстинктивно подался в сторону и, поспешно наклонившись над провалом, спросил: – Целый, нет?

– Да целый, целый, – отозвался из темноты Сашка. – Только тут нету никакого хода.

– Как нет? – Мирек проворно лёг на пол и свесился вниз. – Я ж сам недавно лазил туда…

Но Сашка был прав, проход перегородила свежая кирпичная кладка. Мирек помог Сашке выбраться обратно и, усаживаясь на краю входа, крикнул Ярке:

– Слышь, Ярк, а хода-то и вправду нет, заложили!

– А так вам, скарбошукайлам[1], и треба, – Ярко насмешливо фыркнул. – Чтоб всяки дурни дарма не лазили.

– И чья б корова мычала… – Мирек, как ни в чём не бывало, начал отряхивать ладони. – То-то ты, пока мы в окна смотрели, всё в печке рылся, а вдруг ложки найдутся.

[1] Скарбошукайло – кладоискатель.

– Ни, я не з того. – Ярко добродушно сощурился. – Я так гадаю, при такой грубке[2] панрыцарь на своей верхотуре как цуцык мерзнув. А насчёт того, чтоб шукать, спытай Сашка, чи вин не допоможе лодку витягнуть. Оно, конечно, не велик скарб, а в хозяйстве сгодится.

– Какую лодку? – Сашка протиснулся рядом с Мирекoм и, недолго думая, спрыгнул прямо на булыжник въезда.

– И чего ты, Сашко, очертя голову скачешь, то там, то здесь, смотри, и вправду ноги сломаешь. – Мирек неторопливо слез назад в проезд и, подойдя к Ярке, деловито спросил: – Ты что за лодку раскопал, где?

– В речке. – Ярко встал и вышел из-под арки на залитый солнцем двор.

Секунду он оценивающе приглядывался к Сашке, как бы прикидывая, можно ли с ним иметь дело, и, наконец, обстоятельно пояснил:

– Стах, сосед мой, як до войска уходил, сказал. Тут за немцев все лодки пожгли. То ли чтоб переезду не было, то ли ещё как, то я не знаю. Вот Стах лодку и сховав. Камней накидав и под берегом притопил. А теперь, я думаю, вытягнуть можно, если поможете.

– А чего спрашивать, я хоть сейчас! – и Сашка, ещё раз оглянувшись на так разочаровавшее его отверстие с заложенным ходом, принялся приводить себя в порядок.

[2] Грубка – печка.

Пассажир с «Некрасова»

Ярко бросил солдатский «сидор» в траву и начал разматывать висевшую на плече верёвку.

– Тут, вона, хлопцы, прийшлы.

Мирек и Сашка, несшие на плечах короткий бредень, остановились. На илистой отмели играли стайки мальков, а дальше, в глубине, колыхались по течению большие, похожие на лопухи, листья водорослей. Ярко разделся, отплыл от берега метра на три и нырнул, смешно взбрыкнув пятками. Вскоре его круглая голова рыжим поплавком выскочила на поверхность, и он весело крикнул:

– Е! Кидай кинця!

Мирек ловко швырнул верёвку, и она, раскрутившись на лету, подняла на воде полосу брызг. Ярко нырял ещё раза четыре и, в последний раз вынырнув почти у самого берега, еле перевел дух.

– Тягнемо, хлопци.

Ребята ухватились покрепче и, скользя голыми пятками по траве, рывками потянули верёвку к себе. Лодка выходила из воды медленно. Сначала показался чёрный смоляной нос, вставший почти вертикально, потом он перевалился на заросшее водорослями мелководье и, наконец, похожая на короткий утюг, плоскодонка целиком выползла на отмель.

Да, на Сашкин взгляд добыча выглядела весьма неказисто. Три широкие, сколоченные на манер корыта доски спереди соединялись одной деревянной болванкой и вдобавок вдоль бортов в торец зачем-то были прибиты ещё две доски.

– А это ещё на что? – Сашка ткнул пальцем в боковые доски.

– А она ими на воду опирается. Чтоб не перевернуться, – обстоятельно пояснил Ярко, а потом забрался в лодку и, вооружившись пучком травы, начал старательно очищать днище от грязи.

– Ты дыры смотри, – Мирек вытащил замотанное в бредень весло, – а то будет нам рыбалка.

– Ничего, до Старого русла дочалапаем, я ж говорил, она только камнями была закидана, – бодро заверил Ярко и предложил: – Давай, хлопцы, грузись.

До Старого русла было порядочно, и грести пришлось всем по очереди. Сашка никогда раньше не греб одним веслом, и лодка у него рыскала из стороны в сторону до тех пор, пока Ярко не показал, как делать сразу прямой и поперечный гребок. Сашка быстро понял премудрость, однако, сохраняя престиж, проворчал:

– Тоже мне лодка, утюг деревянный, таких больше и нет нигде…

Мирек, удобно устроившийся в носу, весело рассмеялся.

– Это если грести, утюг, а если лежать тут, то ничего. Эх, Сашко, ты б видел, какие тут лодки до войны были! Лёгкие, раскрашенные и обязательно гонки у водной станции. Отец мой лесничим был, а всё равно каждый год участвовал. Помнишь, Ярко?

– Чего не помнить? Красиво, конечно, а всё равно так, забава на воскресенье. Это тебе, Сашко, утюг, а как в мене протока пид саму хату, то я на ней что хочешь привезу. Нам вон дядька мий с села ще кабанчика привиз, а на хозяйстве кто? И опять же на Старом русле рыба не то, что в городе, дарма что день, а може и зловим щось.

– Конечно, рыбки поймать неплохо, – Мирек мечтательно откинулся на спину. – А я верю, хлопцы, вернутся лодки на воскресенье…

Старое русло больше походило на слияние двух речек, и вокруг бугра, отделявшего стрежень от старицы, крутились водовороты. Впереди, чуть ниже по течению, торчали массивные быки взорванного железнодорожного моста, а за береговым срезом начинался широ-

кий плёс старицы с протоками, живописными обрывами и песчаными косами, местами выступавшими из воды.

Едва свернув с течения и миновав первый обрыв, ребята приткнули лодку к песчаной отмели и выбрались на берег. Ярко сразу начал устраиваться, а Мирек и Сашка, развернув бредень, с усердием проелозили протоку. Однако ловля не задалась, и им попалось всего два небольших щурёнка. Ярко, прилаживавший котелок над костром, недовольно бурчал, но Сашка не разделял его сетований. Он считал, что если бредень чуть больше растянутых штанов, то и этот улов неплох.

Тем временем Ярко, не переставая ворчать, достал из «сидора» кулёчек с солью и, отмерив ровно три щепотки, принялся важно помешивать в котелке ложкой. Костерок разгорелся, давая ровное тепло, и вода в котелке довольно быстро закипела. Варево вкусно булькало и выпускало на поверхность серые пузырьки. Время от времени Ярко отгонял пену от края, зачерпывал уху, долго дул на неё и сосредоточенно пробовал, чмокая и жмурясь.

Мирек задумчиво глядел на пляшущие языки пламени, с треском разбрасывавшие по траве пепельные угольки, а Сашка щурился поверх огня, забавляясь тем, как в тёплых струйках волнуются и плывут очертания обрыва. Ему даже массивный бетонный бык, грузно осевший в воду, вдруг показался похожим на замковую башню, и Сашка, почему-то вспомнив плотный разнобой крыш старого города, спросил:

– А что, в замке разве только один подземный ход?

– Почему один? – Мирек отодвинулся от костра. – Говорят, ещё есть.

– Готова! – Ярко бросил ложку в траву и, подхватив палкой котелок, снял с огня. – Налетай!

Мирек первым попробовал Яркиного варева и смешно затряс головой, вытягивая язык в трубочку.

– От чёрт, горячо как! – Он отложил ложку и вдруг весело рассмеялся. – Во, пока не обжёгся, не вспомнил!

– Что вспомнил? – держа ложку наготове, спросил Сашка.

– Да где ещё подземный ход поискать можно.

– Так, кроме замка, вроде негде, – удивился Сашка.

– Не скажи, – покачал головой Мирек. – У нас в Старом городе везде хода. Говорят, можно даже в соседнее село пройти, а может, и не в одно.

– Кто говорит? – быстро спросил Сашка.

– А вы що одни тут таки дурновати? – Ярко, сосредоточенно хлебавший уху, на секунду прервался. – Е таки, що по печках шарят, а е и таки, що в стари пидвалы лазят.

– А в подвал-то зачем? – удивился Сашка.

– Ну, знаешь, Сашко, подвал подвалу рознь. – Мирек снова попробовал уху, проверяя, не остыла ли, и пояснил: – Тут же при Польше как было? Дом. На первом этаже магазин, на втором квартира хозяина, а в подвалах склады. Понимаешь теперь?

– Нет, – покачал головой Сашка. – То, что тут до войны капитализм был, ясно, но зачем в подвал лазить?

– Во дурной! – Глядя на Ярку, Мирек показал на Сашку. – Нет, ты видел? Никак не второпает.

– Да что я должен второпать? – рассердился Сашка.

– А то, – взялся пояснять Мирек, – что если дом разбомбило, то подвал всё равно целый, и что там было, так там и лежит. Надо только найти.

Внезапно Ярко опустил ложку и приподнялся.

– Да кончайте вы про свои скарбы… Дывыться!

Откуда-то из-за обрыва донеслось ритмичное попыхивание, как будто там сопел неизвестно как попавший в реку паровоз. Потом от мостовых быков эхом отлетела короткая

фистула гудка, и Сашка завертелся на месте, ему показалось, что на той стороне вот-вот появится маневровая «овечка» или ремонтный поезд.

– Эх ты, дурья голова, не туда смотришь! – Мирек дружески пхнул Сашку в бок. – За мост смотри, пароход снизу идёт!

– Откуда тут пароход? – Сашка посмотрел на неширокую речку, густо крутившую по стрежню водовороты. – Она что, судоходная?

– А як же! – в первый раз за всё время Ярко свысока посмотрел на Сашку. – До войны знаешь как пароходы ходили, помнишь, Мирек?

– Помню. «Нишава» и «Гдыня», два раза в неделю пассажирский рейс.

Пыхтение на реке усилилось, и из-за обрыва показался металлический нос, нацеленный между быками. Видно, машина с трудом выгребала против течения и, хотя вода прямо кипела под колёсами, пароход еле полз.

Сашка никогда не думал, что такое длинное судно может плыть по такой узкой реке. Низкий, крашенный шаровой краской пароход быстро-быстро шлёпал по воде плицами, пуская вдоль бортов полосы пены. В середине скворечником торчала рулевая рубка, зажатая полукружьями колёсных кожухов. По краю кожуха, как впечатанная, шла надпись «Некрасов».

Пароход был настолько старомоден, что Сашка несколько раз прочитал название. Ему все казалось, что в конце обязательно должен быть закрашенный твёрдый знак. Сидевшие и стоявшие на палубе мужики и бабы смеялись, лузгали семечки, что-то говорили, и весь этот базарный гомон проплывал совсем рядом – в двух-трёх метрах от берега.

Неожиданно стоявший столбом Ярко сорвался с места и побежал почти вровень с рубкой.

– Дядьку, гуднить! Дядьку, гуднить! – кричал Ярко, успевая одновременно подпрыгивать и размахивать руками.

Из квадратного окошечка крошечной рубки высунулась худая усатая физиономия рулевого.

– Ну чого ты так скачешь, чого? Вон який здоровань, а туды ж…

– Так война ж була, дядьку… – Ярко остановился и жалобно улыбнулся.

– Эх, ты, война, – громко передразнил Ярку рулевой. – Здоровый бурмило, а туда же…

Однако в его лице что-то неуловимо изменилось, он потянулся рукой к шнуру, и торчавшая сверху медноблестящая трубка гудка окуталась облачком пронзительнобелого пара. Близкий гудок резко ударил в уши, Сашка инстинктивно пригнулся и вдруг увидел, что корма парохода стремительно идёт под самый берег.

Не вписавшись в очередной изгиб, причальный брус слегка зацепил откос, глинистая глыба с шумом плюхнула в воду, и в этот момент один из пассажиров легко спрыгнул с палубы прямо в береговую траву. Пароход скрылся за поворотом, а сошедший с него мужик всё стоял на одном месте, как будто такой способ высадки был самым обычным. Одетый, несмотря на летнее время, в потрёпанный домотканый серяк, он то и дело, как бы умываясь, вытирал ладонью осунувшееся, давно не бритое лицо. Потом, словно очнувшись, повернулся и медленно пошел по берегу к мосту.

Ярко, уже успевший вернуться к лодке, едва мужик поравнялся с ним, поднял голову и поздоровался:

– Добрый день.

– Добры-день, хлопче, – машинально ответил дядька и, остановившись перед протокой, выругался: – Вот пень дурной, куда спрыгнул.

Он посмотрел в обе стороны и повернулся к ребятам.

– Эй, хлопцы, я тут вправо пройду к насыпи?

– А вы разве не здешний? – удивился Мирек.

– Как сказать. С той стороны, где мост, бывал, а с этой нет. – Он снова сжал ладонью лицо и только теперь обратил внимание на лодку. – Слышь, хлопцы, перевезите-ка меня через речку.

– Можна… – протянул Ярко и спихнул плоскодонку на воду.

Усевшись на среднюю скамейку, дядька молчал, пока они пересекали реку, и уже перед самым мостом вдруг улыбнулся.

– Что, хлопцы, рыбалите? – Потом внимательно посмотрел на сидевшего перед ним Мирека и спросил: – Слушай, парень, а ты часом не лесничего сын? У вас ещё дом на Уланской?

– А что? – сразу вскинулся Мирек. – Я вас не знаю!

– Немудрено. А вот я тебя знаю. – Мужчина вдруг посерьёзнел и, выбираясь из ткнувшейся в береговой ил лодки, добавил: – Глаза у тебя батькины, хлопче.

Тряхнув удивлённого Мирека за плечо, он спрыгнул прямо в воду и пошёл по берегу, загребая мокрую грязь носками порыжевших солдатских сапог с добела вытертыми на сгибах голенищами…

Дружеская беседа

Отважный Кмициц взорвал шведскую кулеврину, и где-то на семисотой странице книжка кончилась. Захлопнув порванный переплёт, Мирек с сожалением посмотрел на вытертое тиснение. Не в силах сразу расстаться с похождениями отважного вояки, он пустил страницы веером и, полюбовавшись иллюстрациями, встал из-за стола.

Сладко потянувшись, он открыл дверь, выбрался на деревянный карниз и, привычно соскользнув по лестнице во двор, выглянул на улицу. Там было пусто, и только в самом конце, лениво позвякивая колоколом, сворачивала в переулок бочка разъездного продавца керосина. Мирек подождал, пока она окончательно не скрылась за угловым палисадником, и вошёл в дом.

Уловив вкусный запах жареного лука, хлопец заскочил в кухню и остановился у рукомойника с наливным баком. Мать, ловко управлявшаяся возле плиты, откинула со лба прядь пышных волос, и на её красивом, чуть полнеющем лице появилась улыбка.

– Ну что, прочитал свою книжку?

– Прочитал.

Мирек улыбнулся и заглянул в зеркало, прикреплённое над рожком рукомойника. Улыбка у него была точь-в-точь как у матери. Хлопец строго поджал губы, немного повернувшись, придирчиво долго рассматривал своё отражение и только потом спросил:

– А что, мам, я на отца сильно похож?

– Похож… – Мать перестала улыбаться и насторожённо посмотрела на сына. – А ты чего вдруг спросил?

– Да так…

– А всё-таки? – Мать уловила в голосе сына недоговорённость.

– Да просто дядька один сказал…

– Какой ещё дядька?

– Да мы на старое русло ездили лодкой, рыбу ловить, там дядьку через реку перевозили, а он посмотрел на меня и сказал, что похож.

– Всё может быть. – Мать начала нервно вытирать руки передником. – Может, какой лесник тебя помнит…

– Значит, похож, – удовлетворённо уточнил Мирек и отошел от зеркала.

– Похож. – Мать делано рассмеялась и поспешно отвернулась к плите.

Мирек хотел ещё что-то спросить, но в эту минуту в парадном коротко и неуверенно задребезжал звонок.

– Пойди открой. – Мать приподняла крышку на сковородке. – Это, наверное, соседка, она зайти хотела.

Но это была не соседка. Когда Мирек открыл дверь, он увидел, что перед крыльцом, переминаясь с ноги на ногу, торчит Сашка.

– Ты? – удивился Мирек. – Как нашёл?

– Так дядька, что мы на Старом русле перевозили, сказал – улица Уланская. Вот я и искал… – Сашка смущённо улыбнулся. – Только я стучал сначала, а потом увидал, что звонить можно.

– Можно, – рассмеялся Мирек. – Это звонок не электрический, а как на велосипеде, крутнёшь – и звонит.

– Я догадался. Только надпись какая-то странная.

– А то по-польски «Прошу кшенциць», – пояснил Мирек и, поняв, что Сашка, заявившийся без приглашения, чувствует себя не совсем удобно, потащил его за рукав. – Идём, я тебя с матерью познакомлю…

Услышав их разговор, мать сама вышла из кухни и вопросительно посмотрела на сына.

– Это Саша ко мне пришёл. – Мирек показал на засмущавшегося хлопца. – Ну, помнишь, тот самый…

– А-а-а, Саша, здравствуйте. – Мать улыбнулась и прикрыла испачканные руки передником. – Сынок, займись с товарищем, а я вас потом позову.

Улыбнувшись ещё раз, она поспешно вернулась на кухню, откуда, как нарочно, донеслось нарастающее шипение.

– Ф-ф-ф, нехорошо вроде, а? – Сашка сконфуженно посмотрел на Мирека.

– Ничего, все нормально, – поспешил успокоить гостя хозяин. – Идём, я тебе наш сад покажу.

К Сашкиному удивлению, они не стали возвращаться назад к входной двери, а, пройдя через комнаты, вышли на другую сторону дома. В комнатах Сашка уловил запах прелого дерева и устоявшейся гнили, зато здесь, прямо возле ступенек, росли цветы, а дальше начинался большой запущенный сад. И ещё справа, под густо разросшимся орехом, стоял деревянный сарай с необычно высоким, как бы срезанным по длине, чердаком.

Сашка спустился с крыльца и, остановившись возле цветочной клумбы, спросил:

– А вы что, до войны тоже здесь жили?

– Здесь. – Мирек прошёл вперёд и вдруг показал на небольшую ямку за кустом начавших дичать роз. – Вон видишь?

– Ну? – Сашка не совсем понимал, что в этой яме может быть интересного.

– Это воронка. Сюда бомба попала в 39-м.

– И что, ничего?

– Нет. Вон там художница в кресле сидела, – Мирек показал в другой конец сада. – Так даже не попало.

– Какая художница? – машинально спросил Сашка, прикидывая расстояние от воронки до дома.

– Жила у нас. Она из Варшавы приехала…

– А-а-а… – Сашка отошёл от воронки. – А дом ваш давно построили?

– В 34-м.

– В 34-м? – искренне удивился Сашка. – А чего он?..

Сашка замялся, не зная, как высказать мелькнувшую у него мысль, но Мирек понял и так.

– Это что доски подгнили, да? Так он же пустой совсем стоял, даже окна без стёкол были.

– Почему?

– От немцев прятались. Сначала у Ярки, а потом нас всех его дядька в партизанский район вывез.

– А тут что, совсем нельзя было жить?

– Нет. – Мирек вздохнул. – У меня ж мать в больнице работала, медикаменты партизанам передавала, а её чуть не выследили. Соседи потом говорили, что как мы убежали, нас сразу искать начали.

– Это что, и Ярко с тобой в партизанах был?

– Был, только не в партизанах, – Мирек улыбнулся. – Мы в семейном лагере жили, ну, деревня такая в лесу и всё.

– А отец?

Вопрос вырвался сам по себе, и Сашка тотчас прикусил язык, посчитав, что ответа не будет, но Мирек ответил.

– Что отец… – Мирек сокрушённо вздохнул. – Его немцы схватили, он в Яновском концлагере погиб…

Сашка молча теребил ветку и ругал себя почем зря за собственную бестактность. Видимо, Мирек понял его состояние, и потому, отвернувшись, глухо сказал:

– Ты не майся, здесь уже ничего не изменишь…

В его голосе вдруг послышалась печально-взрослая интонация.

– Да я!.. – Сашка горячо взмахнул рукой и смолк.

Мирек сделал вид, что не заметил его реплики и продолжал как ни в чём не бывало:

– Зато как мы назад вернулись, тут уже наш штаб стоял, – голос хлопца неуловимо изменился, давая понять, какое это было чудесное время. – Дом брошенным считался, а как мы вернулись, нам комнату дали, а потом полковник узнал, кто мы, и приказал дом отремонтировать и даже мне комнату над гаражом сделали.

– Над каким гаражом?

– А вон, это теперь сарай дровяной, – Мирек махнул рукой на косо срезанный чердак. – Там солдаты гараж для машины сделали, а потолок досками застелили и окно поставили. Видишь?

Сашка скептически посмотрел на высокую крышу.

– А ходить туда как?

– А вон по лестнице. Хочешь, залезем?

Сашка энергично кивнул и вслед за приятелем начал взбираться по гладко вытертым перекладинам. Через придерживаемую Мирекoм дверь он неловко перелез с карниза за порог и оказался в небольшой уютной комнате.

Солдаты, строившие её, зашили досками не только пол, но и стены, умело врезав в одну из них оконную раму. В комнате стоял деревянный топчан, пара стульев и простенький стол, приткнутый прямо к окну. На столе лежала пухлая растрёпанная книга.

– Твоя? – Сашка взял книжку и прочитал заглавие. – «Потоп», Генрик Сенкевич. Интересная?

– Спрашиваешь! Я только утром кончил.

– Дашь почитать?

– Дам, – коротко отозвался Мирек.

Едва книга попала Сашке в руки, как всю его неловкость как ветром сдуло. Получив согласие, он прежде всего пересмотрел иллюстрации, потом уселся на стул и, не выпуская книгу из рук, сказал:

– А у тебя тут неплохо. Кстати, у меня дома почти такая же комната и тоже на чердаке. Так что приглашаю в гости.

– Спасибо. – Мирек вежливо поклонился и спросил: – А вообще как тебе в нашем городе?

– Как это? – не понял Сашка.

– Ну вот ты рассказывал, что и в Сибири был, и на Кавказе, даже в Москве. Я, честно говоря, тебе завидую, а потому и спрашиваю, если с другими городами сравнивать, как?

– Да нашёл чему завидовать! – махнул рукой Сашка. – Ну был, ну ездил, так что? В теплушке час едешь, сутки стоишь. А по станции за кипятком бежишь и всё время боишься, чтоб от поезда не отстать. А города сравнивать не берусь. И если честно, мне тут здорово нравится. И речка тут есть, и пароходы ходят, и главное – замок! Такого нигде нет!

– Да, замок – это конечно, – согласился Мирек.

– Слушай, – Сашка отложил книгу и даже привстал со стула. – Скажи честно, ты сам как считаешь. Клад там найти можно?

– Ну, если честно… – Мирек секунду подумал. – Думаю, можно. Бывает, золото у нас и вправду находят, только никто ж не скажет, а вообще ценности перед войной в городе были.

– Где? Какие? – Сашка аж подскочил на стуле.

– А в музее. Тут, как Советы пришли в 39-м, ценности, что в панских маетках[3] остались, в музей свезли. Там много чего было. Я сам туда часто ходил. Там пан Владислав работал, так он всем говорил, что только одна картина многие тысячи стоит.

– Картина? – Сашка покосился на Мирека. – Какая ещё картина?

– Не помню, кажется, «Святой Иероним». Вот только за войну, наверно, пропало всё или увезли, если успели.

– Слушай, а если твоего пана Владислава спросить? Ну, про замок?

– Да нет, теперь не спросишь, – покачал головой Мирек. – Исчез он. Во время оккупации.

– Как исчез? – Сашка смешно наклонил голову. – Он что, с немцами ушёл?

– Нет, пан Владислав немцев терпеть не мог, это я точно знаю.

– Откуда тебе знать… – Сашка махнул рукой и опять взялся за книгу. – Можно подумать, он сам тебе говорил.

– Да нет, не говорил. – Мирек внезапно оживился. – А знаешь, Сашко, я могу узнать, что с паном Владиславом стало. У нас знакомая есть, пани Цыбульская, она старая уже, и пан Владислав дружил с ней, я знаю…

Мирек на секунду о чём-то задумался и вдруг весело подмигнул Сашке.

– Во, хорошо, что вспомнил! Она была как-то у нас и про хода говорила, она тоже весь Старый город знает.

– Про другие ходы? – уточнил Сашка и с жаром заговорил: – Так пойдём к ней спросим. Знаешь, у вас тут такой город, такой… Ну, особый, что ли. Я ж про эти подземные ходы только в книжке читал, а тут, понимаешь, посмотреть можно…

– Да понял я, понял! – Мирек рассмеялся. – Зайдём за Яркой, договоримся и сходим к этой пани Цыбульской.

– Да, за Яркой… – Сашка разочарованно вздохнул. – А он то за сеном поехал, то свинью кормит, то на крыше сидит, дырки латает.

– А ты как думал, он у нас ху-у-зяин, – несколько насмешливо протянул Мирек и заключил: – Не то, что мы с тобой.

– Ну да, мы с тобой… – Сашка поджал губы. – Это вы с Яркой, да, а я при вас так, прикомандированный…

– Ну сказал, сходим! – Мирек отнял у Сашки книгу и с размаху плюхнулся на топчан. – Кончай дуться, прикомандированный, садись сюда, картинки ещё раз смотреть будем…

[3] Маеток – имение.

Таинственные подвалы

Махнув рукой приятелям, отправившимся прямо к замковым воротам, Мирек сбежал вниз по пыльной улочке Подзамче и степенно зашагал вдоль узенького плиточного тротуара. За время войны Подзамче, лежавшее в стороне от основных артерий города, почти не пострадало, тут не было ни обстрелов, ни бомбардировок и потому сейчас из густой зелени всё так же выглядывали островерхие черепичные крыши, замысловатые фронтоны и сплошь застеклённые фасонистые лоджии.

Миновав с десяток таких респектабельных вилл, Мирек остановился возле небольшой калиточки, спрятавшейся под аркой заплетённой тёмно-зелёным плющом. Заглянув туда и убедившись, что во дворе никого нет, Мирек толкнул калитку, обогнул длинный одноэтажный дом и очутился на широкой веранде. Хлопец постучал в застеклённую дверь, дождался ответа и вошёл в комнатку, сплошь заставленную гнутой мебелью. Почтительно остановившись у порога, он вежливо поздоровался.

Пани Цыбульская, старая высохшая, но ещё весьма представительная дама, сидела в мягком кресле с книгой в руках.

– Это ты, Мирек? – Цыбульская закрыла книгу и положила на столик возле себя. – Я тебя слушаю.

– Да я… – Мирек топтался возле двери, не зная, как сразу перейти к сути.

– Ты хочешь сказать, что пришёл не ко мне? – Пани Цыбульская понимающе улыбнулась.

– Да нет, к вам…

– Странно, – Цыбульская поманила мальчишку пальцем. – Ну, раз так, иди ближе, присаживайся.

Мирек подошёл к креслу и, увидев, что пани Цыбульская показывает ему на лёгкий плетёный стул, вежливо присел на краешек.

– Вы знаете, – осторожно начал Мирек, – мы вот с ребятами в замок ходили, смотрели, и вот нам бы хотелось ещё про подземные хода узнать, это же так интересно…

– Да? – в глазах пани Цибульской внезапно мелькнул насторожённый блеск. – А почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Так вы как-то у нас в гостях были и про хода рассказывали.

– Ну, когда это было… – Пани Цыбульская рассмеялась и безнадёжно махнула рукой. – Сколько уж лет прошло… Да, раньше монахи показывали желающим ходы.

– Так я ж и хотел спросить, откуда ходили? – Мирек неловко повернулся, и ветхий стульчик сразу заскрипел всеми своими связками.

– Откуда? – Пани Цыбульская вздохнула и прикрыла глаза. – Да из подвалов костёла. Под той башней, что с часами, в самом низу винтовая лестница, это и есть вход. Но ты же знаешь, когда бомбили, в костёл бомба упала, так что, думаю, там теперь не пройти…

– А других входов разве нет?

– Я не знаю, – Цыбульская сожалеюще поджала губы. – Наверное, нет…

– Прошу меня извинить… – Мирек привстал со стула. – А может быть, пан Владислав что-нибудь знает? Ну тот самый, вы ж помните, что в музее работал, про всё рассказывал.

– Мирек, ты знаешь, мне не надо напоминать, где работал пан Владислав, он был моим другом… – Голос пани Цыбульской чуть-чуть изменился. – Но, к сожалению, пан Владислав умер.

– Как умер? Когда?

– Перед самым освобождением, вас здесь тогда не было… – Пани Цыбульская заговорила совсем тихо: – Пан Владислав был уже очень стар, а в такое время много ли надо?

– Конечно… – Мирек опять беспокойно завертелся, и стул снова предательски заскрипел.

Пани Цыбульская вскинула голову, и её глаза, как два буравчика, уперлись в занервничавшего хлопца.

– Послушай, я хотела бы услышать от тебя правду. Я знаю вашу семью достаточно долго и не хотела бы думать о тебе плохо…

Мирек понял, что попал в безвыходное положение, и пояснил:

– Ну, товарищ у меня теперь новый, Сашко, он приезжий, отец у него военный, они в доме Бачинского поселились…

– Бачинского? – Пани Цыбульская оживилась. – Знаю, видела.

– Так вот мы говорили про замок, а я подумал, что может быть, пан Владислав…

– Мг-м, теперь понятнее… Только, Мирек, должна тебя огорчить, я ничего толком не знаю, а пан Владислав… – и пани Цибульская развела руками, давая понять, что больше ничем помочь не может.

Обескураженный Мирек шёл назад к приятелям, огибая замок кругом. Уже издали, ещё со ската холма он увидал Ярку с Сашкой, торчавших возле ворот. Ярко спокойно сидел на ограждении каменного моста, а Сашка, свесившись с парапета, от нечего делать светил фонариком в тёмную нишу мостовой арки.

На площади перед костёлом было по-летнему пусто, и только кто-то, выставивший в окошко монастыря новенький патефон, неизвестно зачем вовсю прокручивал фокстрот «Весельчак». Разудалый ритм танца словно нарочно не давал усидеть на месте, и, едва Мирек показался у моста, Сашка метнулся ему навстречу.

– Ну как, сказала?

– Сказала! – Мирек выскочил наверх и с разбега шлёпнулся на тёплые камни парапета. – Из подвала костёла ход был. Только пани Цыбульская ещё сказала, что туда бомба попала и там теперь не пройти.

– А может, и пройдём, – внезапно возразил Ярко. – Я знаю, тут только три бомбы было. Одна замок зацепила, вторая в подвале костёла взорвалась, а третья вообще не тут, а возле кирхи упала.

После такого обнадёживающего предположения Мирек задумался, а Сашка, подняв взгляд вверх, впервые заметил, что верх воротной башни разрушен именно взрывом, и винтовые ступеньки, не те, которыми они лезли вверх, а другие, можно увидеть сквозь дыру в стене.

– Ну, если так, – Мирек наконец пришёл к определённому выводу, – можно попробовать через подвал…

– А как туда, в этот подвал, влезть, знаешь? – Сашка нетерпеливо защёлкал кнопкой фонарика.

– Знаю, тут рядом, – Мирек махнул рукой в сторону костёла и, чувствуя, что Сашку сейчас ничем не удержишь, поднялся.

Хлопцы пересекли замковую площадь, а потом по отмостке, засыпанной битым стеклом и штукатуркой, забрались в угол, образованный смыкавшимися стенами монастыря и костёла.

– Здесь! – Мирек наклонился и отвалил в сторону сильно покореженный лист кровельного железа, прикрывавший сверху нишу выбитого подвального окна. – Сюда лезть надо.

– А ну пусти! – Сашка оттеснил Мирека в сторону и, цепляясь за остатки оконного переплёта, решительно полез в мрачную, отдающую сырым холодом, дырку.

С подоконника пришлось прыгать, однако Мирек и Ярко, удерживаясь руками, спустились благополучно, а вот Сашка, сиганувши наобум и налетев на кусок кирпича, начал сердито чертыхаться.

Они оказались в конце узкого коридора, с одной стороны перекрытого выщербленной кирпичной стеной. Другой конец уводил куда-то во мрак, слабый луч карманного фонаря, направленный туда, терялся буквально в нескольких метрах.

– Ух ты, и вправду ход… – Сашка перестал чертыхаться и сделал несколько осторожных шагов.

– Самое главное, клад рядом… – насмешливо сказал Мирек.

– Диви, опять про скарб, – пренебрежительно фыркнул Ярко. – И чого вы таки?.. Ну Сашко, то ладно, а ты-то чого?

– Так Сашка ж спрашивал. Всё ход да ход. Ну вот он тебе ход, – и Мирек мазнул лучом своего фонаря по стене.

– В огороди бузина, а в Киеве дядька, – Ярко сердито фыркнул. – Дальше нема куда лизты, бомба сюда попала…

– А что, мы посмотреть не можем? – Сашка опять затоптался на месте. – Пошли, хоть до конца коридора дойдём…

Коридор закончился нишей с узким вертикальным лазом.

– Сюда, кажись. – Мирек осторожно начал протискиваться вниз. – Пани Цыбульская говорила, тут вход был центральный, а от него хода.

– Слышь, – Сашка полез следом и, пользуясь тем, что Ярко отстал, быстро спросил: – Это уже тот вход?

– Не знаю, – Мирек вылез из ниши и начал осматриваться.

Лаз вывел в глухую сводчатую комнату. Посередине её был устроен, обложенный диким камнем, колодец, а вокруг него виднелись маленькие отверстия, похожие на низкие двери.

– Вот они ходы! Во все стороны! – обрадованно закричал Сашка и тотчас нырнул в ближайшую дыру.

Впрочем, радовался он зря. Это оказались вовсе не ходы, а крохотные низкие комнатки с мелкими нишами для сидения. В каждой комнатке потолочный свод заканчивался дырой размером в кирпич, через которую далекодалеко наверху виднелось небо.

– Вот тебе и на, – обескураженно протянул Сашка, вылезая из последней дыры. – Куда ж дальше-то?

– Хлопцы, дывысъ, тут ще нижче можна…

Ярко комнатками не интересовался и, наверно, потому заметил ещё один вход, оказавшийся чуть в стороне от, приведшего их сюда лаза. Вход был полузасыпан, и, когда ребята с трудом спустились по обвальной насыпи, они очутились в большом помещении с полом, сплошь залитым водой.

– Это ж откуда вода? – Сашка пошарил лучом фонарика по сторонам.

– А з реки, – Ярко кинул в воду кирпич. – Мы, считай, на три этажа вниз спустились.

Чертыхнувшись, Сашка постоял немного, потом плюнул и зашагал по воде прямо на середину. И тут же влетел сразу выше колен. Некоторое время он ощупывал дно ногами, поднеся фонарик к самой воде, затем попросил:

– Ребята, светите сюда…

Как ни странно, вода оказалась довольно чистой. Волны мало-помалу успокоились, и все увидели, что в том месте, где стоял Сашка, начинались ступени винтовой лестницы, круто уходившей под воду. В подземелье стало совсем тихо, и вдруг ребята услышали чем-то знакомую, странно-спотыкающуюся мелодию. Будто кто-то далёкий бил колотушкой по дребезжащему звонку.

Едва разобрав мелодию, Ярко покрутил головой.

– Во патефона мають! Там через всю площадь фокстрота втялы, а тут, дывись, и через стенку проходит…

– А что это за музыка такая? – Сашка шагнул обратно, и плеск воды заглушил мелодию. – Я не слышал раньше.

– Да то немцы часто играли. Як то «либер… либер»… от чёрт, забув, как там дальше? – Ярко повернулся к Мирeку.

– Ах, мейн либер Августин… – Мирек пошарил лучом фонарика по стене. Ему показалось, что звук шёл именно оттуда.

– Та брось, не шукай, – Ярко махнул рукой. – Тут везде продухи во всю стенку, здоровенные такие, через них и слыхать.

– Продухи? – Сашка разом забыл про всяких Августинов. – А может, по ним пролезть можно?

– Да куда ты, дурья голова, теперь полезешь? – Мирек сердито фыркнул и начал перебираться на кучу щебня. – Бомба, видать, стену пробила и вода пошла, а снизу ил, тут водолаз, и тот не пролезет. Всё, Сашко, кончились наши скарбы, пошли…

Один за другим ребята, вскарабкавшись по завалу, выбрались к двери, и только Мирек, шедший последним, ещё раз обернулся на тёмную стенку, за которой, казалось, всё так же еле слышно звучал сентиментальный «Августин»…

Девочка с Ягеллонской

Башмаки сильно стесняли Сашку. Ему казалось, что стук толстых кожаных подмёток привлекает всеобщее внимание, заставляя прохожих оглядываться по сторонам. А прохожих было достаточно. Главная улица, бывшая Ягеллонская, пользовалась постоянным вниманием у жителей городка. За последние годы её трижды переименовывали, но, то ли сказывалась давняя привычка, то ли ещё что, но часть обывателей упорно продолжала именовать улицу Ягеллонской.

По старому, порядком исшарканному тротуару оживлённо сновали люди. Это место считалось жителями чем-то вроде клуба, и в то время, как другие улочки оставались пустынными, на Ягеллонской всегда толпился народ. Если уж быть честным до конца, то следует признать, что и Сашка сегодня появился здесь совсем не случайно.

Вообще-то ему этого не хотелось, но если уж так вышло, то… Причина была проста и в то же время значительна. Самые обыкновенные туфли, но не выменянные на толчке или барахолке, не полученные по ордеру в распределителе, а купленные в магазине. Заграничные, батинские[4], с узкой пяткой, с широкими носами, на толстой подошве, добротно сработанные из лоснящейся коричневой кожи.

Радость этой покупки была двойная. С одной стороны, Сашка, надев новые туфли, почувствовал себя почти что взрослым, а с другой, как-то сразу стало понятно, что жизнь наконец налаживается и, даст бог, вскоре наладится полностью. Потому Сашку и нарядили сегодня по-праздничному. В белые гольфы, коричневые башмаки, новую рубашку и короткие штаны с пуговицами, застёгивающимися под коленками. И, конечно, само собой разумелось, что ходить так можно только по Главной улице. Правда, Сашка ещё не привык к новой одежде и немного стеснялся, когда на него обращали внимание, но, в общем, был собою весьма доволен.

Намереваясь пройти улицу до самого конца, Сашка наискось пересёк мостовую и на секунду остановился возле магазина «Оптика». Его привлекла высокая зеркальная витрина, начинавшаяся почти от самого тротуара. В большом полированном стекле двоились выставленные на полочки оправы для очков, рекламные проспекты, какие-то замысловатые штучки, и хотя они немного мешали, здесь отражалась почти вся улица, а самое главное, можно было вдоволь налюбоваться самим собой.

Но едва Сашка начал присматриваться, как неожиданно рядом с ним появилась девочка. Точнее, он увидел её отражение в зеркале и, в первую секунду не поняв этого, нагнулся ближе к витрине, стремясь получше рассмотреть незнакомку.

Короткий смешок, неожиданно раздавшийся прямо возле уха, вернул Сашку к действительности. Он резко обернулся и очутился носом к носу с девчонкой, задорно глядевшей на него. Сашка растерянно смотрел ей в лицо и медленно краснел. А она ещё раз окинула его с головы до ног насмешливым взглядом, фыркнула, крутнулась на пятке и решительно зашагала в противоположную сторону.

Сашка так и застыл на месте, очарованно глядя вслед удивительной девочке. А она, ничуть не смущаясь, спокойно перешла улицу, задержалась на краю тротуара, как бы прикидывая, куда ей направиться, и не спеша пошла вдоль теснивших друг друга маленьких магазинчиков.

Пройдя мимо двух или трёх витрин, девочка оглянулась, и Сашка был сражён окончательно: он решил, что она посмотрела именно на него. Пока мальчишка лихорадочно соображал, что ему предпринять, девочка открыла дверь и скрылась в магазине. Сашка неуве-

[4] Батинские – чешская фирма «Батя».

ренно затоптался на одном месте и вдруг, неожиданно для себя, сел на широкий витринный подоконник.

Девочка появилась на улице минут через семь. Выйдя на тротуар, она ещё раз посмотрела по сторонам, а затем не торопясь пошла в направлении Подзамче. Увидев её, Сашка вскочил как подброшенный. Он быстро перебежал мостовую и крадучись пошёл вслед за девочкой, норовя спрятаться за спинами прохожих.

Так, виляя из стороны в сторону, он прошёл за нею квартала два, успев за это время хорошо ее рассмотреть. Сашке она казалась необыкновенной. Легкая, стройная, в ярком цветастом платьице, в простеньких башмачках на маленьком каблучке, она как будто летела по старой улице.

Мальчишка не мог видеть ни её лица, ни выражения глаз, но, видимо, в них было что-то такое, что заставляло молодых людей, да и мужчин постарше, оглядываться ей вслед. К таким оборачивающимся Сашка чувствовал неясную антипатию и, проходя рядом, сердито косился на них, не упуская из вида цветастое платье, мелькавшее впереди.

Возле трёхэтажного углового дома с выступающей вперёд фасонной башенкой, девочка остановилась и, помедлив минутку, вошла в узкий проезд, украшенный лепными фигурами. Сашка немедленно перешёл на другой тротуар и начал не спеша прогуливаться вдоль витрин, время от времени поглядывая в сторону угловой башенки.

Гулять пришлось долго и, боясь примелькаться, Сашка попробовал зайти в переулок, но там сразу начинался выбитый бомбами пустырь и, кроме того, выдвинутая угловая башенка закрывала проезд. Сашка поспешно вернулся и, кружа вокруг дома, успел осмотреть все магазинчики по крайней мере на половине квартала, выучить, как поднимаются и запираются шторы из гофрированного металла над их входами, а девочка всё не появлялась и не появлялась.

Наконец Сашка не выдержал и подошёл к дому с башенкой. Кирпичный проезд с дверями в обеих сторонах был мрачен. Сашка прошёл внутрь и оказался в тесном дворике-колодце, закрытом со всех сторон стенами дома с длинными кольцевыми балконами вдоль каждого этажа. На балконах висело бельё, стояли ящики, кадушки и высился перекошенный древний комод. Сашка с грустью осмотрелся и побрёл назад на улицу. Этот унылый дворколодец и девочка в ярком платье в его представлении никак не подходили друг другу…

Летний солнечный день в Сашкиных глазах разом поблёк. Теперь, глядя вдоль улицы, Сашка, в полном соответствии с настроением, видел ржавый облупившийся гофр магазинных жалюзи, ободранную штукатурку давно не ремонтированных стен и поблёкшие от времени буквы вывесок. И как бы ставя последнюю точку на облике этого пыжившегося «под Европу» провинциального городка, прямо по фасонному шестиграннику мостовой важно шествовали переходившие улицу утки. Пожилой милиционер с добрым морщинистым лицом, стремясь поскорей согнать незваных нарушительниц на пустырь, сердито топал на уток сапогами и шипел, как гусак.

Уже отойдя на приличное расстояние, Сашка оглянулся в последний раз и вдруг увидел, что девочка в цветастом платье легко выпорхнула из-под тёмной арки проезда. Мальчишка просиял и немедленно устремился следом. И снова, как полчаса назад, магазинчики казались забавными, городок уютным, а утки, давно выдворенные на заросший травой пустырь, вполне уместными и в чём-то даже симпатичными.

Теперь Сашка шёл гораздо спокойнее, не прячась за чужие спины, но всё же держась противоположной стороны, так, чтобы лишний раз не попадаться девочке на глаза. Ему очень хотелось познакомиться с ней, но сам он не мог придумать что-либо подходящее, а в прочитанных книгах, как на грех, ничего подобного не встречалось.

Между тем девочка прошла всю Ягеллонскую и повернула на Заречье. Теперь прохожих значительно поубавилось, и Сашка на всякий случай отстал. Так они перешли по дамбе

речную пойму, потом ветхий деревянный мост, проезжая часть которого, настланная ещё военными саперами, износилась до того, что в отдельных местах сквозь продранные доски светилась речная вода, и поднялись по дороге к домикам Заречья.

Здесь девочка неожиданно свернула, и Сашка, подумав, что сейчас она может исчезнуть в одном из бесчисленных проходов, припустился бегом. Проскочив угол, он оказался на короткой улочке, сплошь застроенной особнячками, прятавшимися за палисадниками, цветниками или проволочными оградами, увитыми зеленью.

Но девочки на улице не было. Ни здесь, возле угла, ни дальше там, где мостовая, плавно загибаясь, терялась в окраинных огородах. Поражённый, Сашка замер на месте. И вдруг громкий смех заставил его обернуться. Совсем рядом, возле афишной тумбы, стояла девочка и заразительно смеялась.

Сашка готов был провалиться сквозь землю. Теперь он понял, что она давным-давно его заметила и, свернув за угол, нарочно спряталась за тумбу. Глядя на неё в упор, Сашка никак не мог прийти в себя от неожиданности. Между тем девочка оборвала смех и, спрятав улыбку в уголки губ, прошла мимо Сашки, демонстративно отвернув в сторону свой насмешливо вздернутый нос.

Надо было решаться. Единым махом перескочив через ближайший штакетник, Сашка оказался в чьём-то весьма ухоженном палисаднике. Махнув рукой на все приличия, он, очертя голову, рванул с ближайшей клумбы несколько первых попавшихся цветков, перемахнул обратно на тротуар и бегом бросился догонять девочку.

Внезапное появление Сашки её не испугало. Она пожала плечами и, изобразив на лице полнейшее равнодушие, спросила:

– Что вам угодно?

Сашка судорожным движением протянул ей только что сорванные цветы и сдавленным голосом представился:

– Александр.

Девочка взяла цветы, понюхала и вдруг, сделав маленький книксен, улыбнулась.

– Прекрасный запах. Вы всегда дарите девушкам цветы?

Сашка не нашёлся что ответить и густо покраснел.

– Была счастлива сделать знакомство…

Королевским движением девочка наклонила голову, толкнула калитку, и тут Сашка не выдержал.

– Подождите… Извините, пожалуйста… Я только хотел… – Слова цеплялись друг за друга, никак не желая приобретать ни стройности, ни смысла.

– Догадываюсь. Вы хотите спросить, где меня можно увидеть?

– Да, – коротко выдохнул Сашка и вдруг каким-то подсознательным чувством понял, что в их шутливом диалоге наступил непонятный сбой.

Казалось, всё было так же, но взгляд девочки неуловимо переменился, и, уже не скрывая насмешки, она, входя во двор, бросила:

– У Заглушецкой Брамы…

Калитка захлопнулась с таким треском, что нависшие сверху ветки дикого винограда слегка закачались…

Странный нищий

Мирек, зажав в потном кулаке смятую трёхрублёвку, топтался перед входом в парикмахерскую, над которым висела небольшая зелёная вывеска. Идти сюда Мирeку не хотелось, и он мялся у двери. Потом решил, что стричься всё равно придётся и, осторожно спустившись по ступенькам вниз, толкнул дверь, задребезжавшую разбитым стеклом.

Не успел Мирек войти, как его сразу охватил приторносладкий запах захудалой цирюльни. Света с улицы даже при открытой двери не хватало, и под потолком горела стосвечовая лампочка в старом медно-керамическом патроне, довольно ярко освещая убогую обстановку.

Кресел было только два и зеркал два, одно совсем тёмное, другое чище, но какое-то кособокое. Парикмахеров тоже было двое. Один, пожилой, устало сидел на подлокотнике, другой, помоложе, но, худой и лысоватый, крутился перед зеркалом, пытаясь с помощью гребешка хоть как-то уменьшить начинающуюся плешь.

Мирек осмотрелся по сторонам. Последняя надежда, что парикмахерская окажется набитой битком и ему придётся уйти, не оправдалась. С видом обреченного он поплёлся к креслу. Лысоватый не обратил на Мирека никакого внимания, и он сел к пожилому.

Ни о чём не спрашивая, пожилой обмотал шею Мирека грязной захватанной простыней, взял с подзеркальника машинку и принялся колдовать над его патлами. Пятерня мастера давила на затылок, подбородок упирался в грудь, машинка ёрзала, дёргая за волосы и цепляя кожу, но Мирек мужественно терпел.

Уж коли и здесь, в парикмахерской, как это вообще-то принято, даже не поинтересовались, чего он сам хочет, значит, мать права и сногсшибательную причёску придётся отложить на весьма неопределённый и, похоже, длительный срок…

Может быть, сжалившись над хлопцем, а может, решив, что машинке с такими вихрами не совладать, парикмахер отложил её в сторону и взялся за ножницы. Ножницы хищно защёлкали, волосы густо посыпались на простыню и вскоре Мирек мог сидеть, подняв голову и временами, когда мастер что-то перебирал на столике, даже глазеть по сторонам.

Так он успел заметить, что лысоватый перестал смотреться в зеркало и неуловимо быстрым движением глянул на часы, а потом на окно, в котором как раз мелькнули чьи-то ноги.

«Ждёт кого-то», – решил Мирек, и точно, дверь парикмахерской заскрипела, пропуская нового клиента. Мирек скосил глаза, разглядывая, кого это тут так ждали, и разочарованно вздохнул. Нет, такого бродягу никто не мог ждать.

Вошедший, одетый в какой-то невообразимо грязный костюм, потерявший всякий вид и цвет, водил по парикмахерской безумными раскосыми глазами, беззвучно раскрывая перекошенный, весь заслюненный рот. На штатском пиджаке, резко бросаясь в глаза, блестели пришитые вразброс воинские пуговицы. Не было сомнения, что в парикмахерскую ввалился какой-то полусумасшедший.

Мирек решил, что заявившегося ни с того ни с сего придурка сейчас же с треском выставят за дверь, но, к его удивлению, лысоватый парикмахер странно засуетился и встретил вошедшего весьма приветливо.

– Чего тебе? – спросил он, поглядывая в окно.

Нищий кинул дикий взгляд в сторону, потом перекосил лицо и нечленораздельно промычал:

– Голы-и-и-и…

К вящему удивлению Мирека, парикмахер даже обрадовался.

– А-а-а, бриться, ну садись, садись…

Он усадил оборванца в кресло, накрыл простынёй и взялся за работу. По мнению Мирека, этого никак не следовало делать, и он вовсю косил глазами на соседнее кресло. Пока парикмахер, размахивая кисточкой, взбивал пену, нищий щурился, а когда бритва со скрипом начала сдирать недельную щетину, на лице клиента отразилось явное блаженство.

Мирек совсем разочаровался и решил уже отвернуться, но тут нищий слегка наклонил голову, и хлопец случайно поймал его быстрый взгляд. Странно, ненормальный смотрел внимательно и совершенно осмысленно. Это было так неожиданно, что Мирек чуть не открыл рот от удивления.

Но долго удивляться не пришлось. Парикмахер спихнул парнишку с кресла, забрал трёшку и выпроводил за дверь.

– Ну и притвора, – сердито пробурчал Мирек, выскакивая на улицу.

Небо плотно затянуло тучами, на речку идти незачем, приятели куда-то запропастились, и Мирек, бесцельно повертевшись на тротуаре, остановился возле пустотелой афишной тумбы, где в иные, более благополучные времена, сидел холодный сапожник.

Скользнув взглядом по вывеске парикмахерской, висящей вровень с окнами первого этажа, Мирек вспомнил странного посетителя и задумался. До сих пор этот придурок ему не попадался. Не то чтобы хлопец знал всех нищих в городе, но оборванная фигура так бросалась в глаза, что не запомнить её было невозможно.

Правда, скорей всего, нищий должен отираться возле соборной паперти, а там Мирек практически не бывал, но ведь ходит же он но городу. Конечно, не окажи парикмахер такой приём придурку, а просто вытолкай за дверь, Мирек вряд бы обратил на него внимание.

Неожиданно для себя Мирек подумал, что парикмахер ждал именно этого нищего, а в такой связи дело представало совсем в другом свете. В душе каждого мальчишки живёт неистребимая жажда приключений, а если вдобавок он ещё и обладает изрядной долей воображения, то такая страсть может завести его далеко.

Будь у Мирека дела, он, может, вовсе не заглянул бы в парикмахерскую, но сейчас время девать было некуда и, крайне заинтересованный удивительным клиентом, хлопец спрятался за афишную тумбу. Ожидание утомляло, но Мирeку всё равно делать было нечего, кроме того, он вспомнил, как его быстро выпроводили из парикмахерской и как лысоватый смотрел на часы.

– Нет, здесь дело нечисто… – сам себя вполголоса уговаривал Мирек и упрямо торчал возле тумбы, время от времени искоса поглядывая на противоположную сторону.

Мирек ждал, ждал и уже совсем было собрался уйти, когда дверь парикмахерской открылась и на пустынной улице снова появился нищий. Мирек юркнул внутрь тумбы и сквозь маленькое окошечко, куда раньше подавали обувь, внимательно наблюдал. И тут нищий поразил его ещё больше. Он топтался на месте, бросая по сторонам быстрые короткие взгляды, явно к чему-то присматриваясь.

«Наверняка жулик», – подумал хлопец.

Наконец нищий неторопливо зашагал по тротуару. Дойдя до угла, он ещё раз оглянулся и исчез в переулке. Не медля ни минуты, Мирек выскочил из будки и бросился наперерез. Вильнув в тёмный проход между домами, он вскарабкался на забор, перевалился прямо в бывший сад Аппельбаума и помчался напрямик через кусты.

С разгона влетев в заросли одичавшей малины, Мирек через поломанный штакетник успел увидеть, как нищий свернул из переулка на тропинку, которая прямиком вела через луг к Старому городу. Мирек сразу почувствовал себя уверенней. Пока придурок неторопливо хромал по тропинке, хлопец во всю прыть мчался боковыми улочками, рассчитывая выйти нищему навстречу.

Он успел вовремя. Когда нищий подошёл к Старому городу и вскарабкался по крутому откосу вверх, Мирек уже с самым безмятежным видом торчал возле дощатого забора воен-

торга. Видимо, подъем по крутому склону дался нищему нелегко, так как он остановился у ворот военторговской базы и довольно долго стоял там. Со стороны могло показаться, что он просто отдыхает, но Мирек, не спускавший с него глаз, всё же заметил, что нищий внимательно следит за прохожими, довольно редкими в этой части города.

Наконец, проторчав на месте минут десять, а то и больше, нищий двинулся по тротуару. Он прошёл совсем рядом с Мирeком и, конечно, не заинтересовался им. Взгляд его, только скользнувший по хлопцу, был таким безжизненным, что Мирек даже усомнился в недавно виденном.

Сразу за военторговским забором нищий резко свернул к зданию бывшей Братской школы. Мирек наискось перебежал дорогу и, обогнув толстый контрфорс, углом выпиравший на тротуар, увидел, что нищий исчез. Хлопец растерянно оглянулся по сторонам.

Старинная кривая улочка, сплошь застроенная лепившимися друг к другу домами, сворачивала вниз, огибая крепостной холм и заканчивалась на повороте там, где над частой гребёнкой кровель виднелся строгий купол Крестовоздвиженской церкви.

Мирек недоумённо пожал плечами, прошёл вперёд до самых дверей Братской школы, открывавшихся прямо на плиточный тротуар, вернулся назад и остановился возле углового контрфорса. Нищего нигде не было. Хлопец в сердцах плюнул себе под ноги, и в тот же момент кто-то тронул его за плечо. Резко обернувшись, Мирек оказался лицом к лицу с тем самым нищим, которого он так упрямо преследовал.

Сначала хлопец просто оторопел от неожиданности, но тут же понял, что нищий вышел из маленькой дверцы, прятавшейся в стыке между стеной и контрфорсом. Она и сейчас была видна только потому, что нищий, выходя, оставил её открытой.

Цепко держа хлопца за плечо, нищий дико косил глазами, лицо его кривили гримасы, но в то же время сейчас он не казался сумасшедшим. Конечно, вид его был необычен, странен, может, отталкивающе противен, но не более. Нищий на секунду задержал взгляд на лице Мирека и спросил неожиданно певучим голосом:

– Как твоё имя, отрок?

– Мирек…Мирослав то есть…

Хлопец основательно струхнул, но пока старался не подавать вида и только пробовал как-то освободить плечо.

– Аз, грешен слуга Господень, – глаза нищего снова побежали в сторону, – крест знак веры истинной, а моё имя Крыж…

Мирек испуганно отшатнулся.

– Не страшись, отрок. Слава Господня душу творит в человецех. Нить путеводную, аз грешен, дарю тебе…

Крыж плавно поднял руку, осенил себя крестным знамением и тотчас же, ловко захватив пальцами одну из блестящих пуговиц, с треском оторвал её от своего истёртого пиджака. Величественным жестом он ткнул в руку Мирека оторванную пуговицу и резко повернувшись, быстро пошёл в сторону Крестовоздвиженской церкви.

Проводив испуганным взглядом Крыжа, Мирек машинально разжал кулак и посмотрел на ладонь. Лежавшая на ней пуговица была обыкновенная: новая, с выштампованной пятиконечной звездой и с обрывками толстых ниток на чёрной проволочной петле…

Перестрелка в полночь

В эту ночь Сашка спал беспокойно. В последнее время ему всё чаще снились какие-то замковые переходы, лестницы и прочая средневековая абракадабра, причудливо перемешанная с современностью. Вот и сейчас казалось, что он куда-то бежит по длинному коридору с кирпичными стенами и матрасно-упругим полом.

Сашка отчётливо сознаёт, что этот пол ватный, но не удивляется, а только бессильно перебирает ногами, совсем не двигаясь с места. Внезапно весь этот странный коридор с гулом куда-то проваливается, и Сашка, враз проснувшись, вскакивает в смятой постели, не в силах сообразить, сон это или уже явь.

Но шум, разбудивший Сашку, с его пробуждением не утихает. Наоборот, постепенно приходя в себя, Сашка чётко слышит треск автоматной очереди, неожиданно перекрытый гранатным разрывом. До Сашки наконец доходит, что приснившийся ему грохот существует на самом деле и, скорее почувствовав, чем осознав надвигающуюся опасность, хлопец спрыгнул с кровати и опрометью кинулся к выходу.

Распахнув двери настежь, он кубарем скатился по ступенькам и очутился в коридоре. В ту же секунду чья-то сильная рука схватила его за шиворот и властно придавила к полу.

– Быстро в подвал! – крикнул ему отец в самое ухо.

Сашка, так неожиданно очутившийся на полу, чуть приподнялся. Ему удалось рассмотреть отца, лежавшего рядом, и силуэт распахнутой двери. За дверью была темнота. Подталкиваемый отцом, Сашка прополз по коридору и через открытый люк провалился на подвальную лестницу.

В подвале было темно, пахло квашеной капустой и какой-то прелью. Сашка попробовал высунуть нос наружу, но его тут же столкнул назад спускавшийся вниз отец. Сашка решил, что он тоже прячется, но ошибся. Отец просто укрылся в люке под лестницей и выставив из-под ступеньки ствол маузера, выстрелил несколько раз подряд.

Сашка видел, как вспышки очерчивали квадрат люка, одновременно на уши давил треск выстрела, особенно сильный здесь, в сжатом пространстве подпола, и вниз сползал едкий запах сгоревшего пироксилина. Воспользовавшись секундами затишья, Сашка ощупью влез на лестницу и быстро спросил:

– Что там, па?

– Пули летают, вот что, – сердито огрызнулся отец и, почувствовав, что сын всё-таки пытается выглянуть у него из-за спины, рявкнул: – Пошел вниз, стервец!

Перестрелка в саду вспыхнула с новой силой, и испуганный Сашка сполз по ступенькам обратно. Внезапно всё заглушил новый гранатный взрыв, затем несколько автоматных очередей слились в одну, и сразу все стихло. Сашка услышал, как отец осторожно выбрался из подвала и, крадучись, прошёл по коридору. Хлопец подождал некоторое время, потом, услыхав перекликающиеся возле дома голоса, выкарабкался из люка и поспешил к двери.

По всему двору мелькали лучи фонариков, в их свете появлялись какие-то фигуры, рыскавшие по саду, откуда слышался шум и приглушенные голоса. В доме вспыхнуло электричество, и светлые полосы из окон легли поперёк двора, теряясь в серебристом отблеске листьев крыжовника. Сашка рванулся в сад, но в дверях лицом к лицу столкнулся с Юрием, шофёром отца. Увидев Сашку, он немедленно загородил выход.

– Ты куда прешься?

– Пусти, Юр! Я только гляну! – жалобно попросил Сашка.

– Нельзя, Шурка, нельзя… Не понимаешь, что ли…

Одной рукой придерживая Сашку, Юрий не спускал глаз со двора, и висевший на его плече ППШ, словно принюхивался срезанным кончиком ствола к ночной темени. От шофер-

ской робы Юрия несло бензином, но и он не мог перебить идущий от неё солдатский запах амуниции, ружейного масла и отслужившего все сроки ХБ.

Сашка вздохнул, смиряясь со своим положением, спросил:

– Юр, а ты чего с автоматом?

– Чего, чего… В Берестяны с батей твоим ездили лес смотреть, ну и вернулись поздно, а тут…

– А чего тут?

– Чего, чего… Бой в Крыму, всё в дыму, понятно?

– Да я ж без шуток, Юр. Страшно ведь.

– Да уж какие тут, Шурка, шутки? Тут, видать, без нас разбираться будут. Понимаешь, мы как к дому свернули, фары поверху свет дали, я гляжу, что за чертовина, – человек по карнизу лезет. Ну, решили, ворюга. По тормозам и за ним. А он, гад, стрелять. Батя твой в коридор, я под гараж, а он, зараза, гранатой. Ну я, ясное дело, очередь, тут и началось…

– Так-то вас двое, а остальные откуда?

– Откуда, откуда. Здесь же комендатура рядом. По такой пальбе мигом сюда примчались.

Как раз в эту минуту из темноты сада к крыльцу приблизилась группа людей. Они осторожно несли кого-то на развёрнутой шинели. Люди поднялись на крыльцо, и Сашка разглядел, что на шинели лежит автоматчик с мертвенно-бледным, запрокинутым назад лицом. Глаза его были закрыты, рот кривила страдальческая гримаса. Второго раненого вели под руки. Он шёл, с трудом передвигая ноги и, не переставая, матерился вполголоса. За ранеными, громко переговариваясь, в дом прошла группа офицеров.

Решив, что сейчас в доме интересней, Сашка юркнул обратно в коридор. Осторожно пробравшись в гостиную, он притаился возле самой двери, больше всего опасаясь, что его заметят и выставят вон. Но взрослым было не до него.

Одного раненого разместили на широкой кушетке, и неизвестно откуда взявшийся военврач занимался осмотром. Рукава его гимнастёрки были закатаны до локтей, движения уверенны, голос спокоен и несколько суховат. Второй раненый, тот, что шёл сам, уже аккуратно перевязанный, сидел на диване и молча курил, откинувшись на заголовник.

Сашка даже удивился, как это врач успел так быстро управиться. Правда, сейчас доктор был ещё занят и делал раненому перевязку, временами обращаясь то ли к фельдшеру, то ли к санитару, который, согнувшись, рылся в стоявшей на полу большой кожаной сумке.

Наконец врач закончил перевязку, отошёл к двери и, остановившись совсем рядом с Сашкой, вытащил портсигар. Затем достал папиросу, ловко размял её пальцами и закурил, пуская дым в коридор. В этот момент к нему приблизился один из офицеров и негромко спросил:

– Ну как?..

Врач не спеша выпустил дым изо рта и ответил:

– Ничего. Зацепило здорово, но жить будет.

– Слава богу, хоть на этот раз обошлось… – офицер облегчённо вздохнул. – Чем его так?

– Гранатный осколок. К счастью, удачно.

– Да, экипировка у этой сволочи оказалась никак не воровская… – Офицер ругнулся вполголоса. – Пистолет и опять же гранату швырнуть не побоялся.

– Не знаю, не знаю… – Врач глубоко затянулся, и табак в папиросе начал потрескивать. – Может, это и не моё дело, но осколок я успел выковырнуть и хочу заметить, гранатка-то из самодельных. «Филлипинка». Как у нас говорят, «консервы».

– Спасибо, учтём. Но всё равно нехарактерно. Считайте, в городе первый раз такой тарарам подняли…

– А вы что, ничего такого не допускаете?

– Всё допускаем, – офицер похлопал себя по карманам. – Растравили вы меня дымком, не повредит, если я тут на сквознячке?

– Ничего, прикуривайте, – врач постучал по мундштуку, стряхивая пепел. – Значит, из тех, последышей? Только в город ему зачем?

– Может, документ какой нужен, а может, и у родичей был. Всё возможно. Тут рядом по лугу тропа на Черчицкий монастырь, может, туда пробирался и угодил случайно под фары…

В эту минуту в коридоре послышалась возня, и в комнату ввалилось сразу несколько солдат. Они крепко держали какого-то человека в штатском.

Сашку совсем притиснули к стене, но он все-таки видел профиль арестованного, его очень бледное лицо и крупные капли пота, блестевшие на лбу. Он был без фуражки, и длинные темные волосы, испачканные землей, сбились на одну сторону.

Солдаты провели человека в глубь комнаты и, поставив возле стены, отпустили. Но стоять человек не мог. Ноги его подогнулись, он попытался удержаться, откинулся назад, но только стукнулся головой о стену и начал бессильно сползать на пол, как большая тряпичная кукла.

Сашка внимательно следил за неизвестным, да и все, находившиеся в эту минуту в комнате, не спускали с него глаз. Один доктор не обращал на него ни малейшего внимания. Он спокойно докурил папиросу, подошёл к лежавшему и начал что-то с ним делать. Что именно, Сашке не было видно, доктор всё заслонил своей спиной.

Офицеры пододвинулись ближе. Сашка тоже не утерпел и сделал пару шагов вдоль стены, чтобы получше разглядеть арестованного. Хлопец видел, как тот медленно, неуверенно раскрыл глаза, обвёл затуманенным взглядом комнату, в которой находился, и, наконец, стал смотреть прямо в лицо наклонившегося над ним доктора. Сашку поразило то, что глаза раненого, до того безжизненные, внезапно вспыхнули живым яростным блеском и он отчётливо произнёс:

– Ниц не скажу!..

Один из офицеров, майор, видимо, старший здесь, стоявший до этого у стола, обернулся.

– Что, всё-таки ожил?

– Так точно, живуч.

– Доктор, – позвал майор не отходя от стола.

– Я здесь.

– Примите все меры.

В эту минуту Сашку заметил отец и немедленно выдворил из гостиной в спальню, к матери. Мать, быстро ощупав сына со всех сторон и убедившись, что он цел и невредим, попыталась прижать его к себе, однако Сашка осторожно высвободился из её рук, жадно прислушиваясь ко всему, что происходит в доме. Но мать его от себя так и не отпустила, и единственное, что Сашка сумел услышать из спальни, был шум отъезжавших автомашин…

Загадочное рандеву

Сашка с интересом крутил письмо. Конверт был обыкновенный, марка тоже маленькая, синенькая с бравым пилотом в лётном шлеме. Стоя возле калитки, с врезанным в неё почтовым ящиком, Сашка ещё раз внимательно перечитал адрес. Нет, ошибки не было, письмо предназначалось именно ему. Сунув сложенные газеты под мышку, Сашка медленно пошёл к дому, примериваясь, как бы поаккуратнее вскрыть конверт.

Вообще-то писать ему было некому. Многочисленные приятели, оставшиеся в разных городах, не знали адреса, да и отношения с ними были не те, чтобы писать друг другу, бабушка же посылала матери обычные треугольнички, вставляя пару слов для него, так что полученное письмо здорово озадачило Сашку.

Бросив надрывать край, Сашка ещё раз посмотрел на конверт. Под чертой, выделявшей его фамилию и имя, было пусто. Обратного адреса не имелось. Покачав головой, Сашка решительно разорвал конверт и вытащил сложенный вдвое лист почтовой бумаги.

Да, такая бумага попадала ему в руки не часто. Тонкая, гладкая, с едва проступающим по листу тиснёным рисунком и с цветной виньеткой в левом углу. Чуть ниже виньетки, на середине листа, чётким округлым почерком было написано.

Саша!
Жду Вас сегодня вечером на берегу реки.
Приходите в 6 часов к двойной ветле у старой купальни.

Вместо подписи внизу стоял странный крючок, похожий на переплетённые буквы «П» и «В». Сашка неопределённо хмыкнул и перечитал текст. Число отсутствовало, к тому же круглой печати с датой на конверте не оказалось. Марка тоже была свежей, глянцевой, без штемпеля погашения. Нет, судя по всему, письмо было местное и его бросили не иначе, как сегодня утром, прямо в ящик, минуя почту.

Весь день Сашка был под впечатлением от полученного утром письма. Сначала он решил вообще никуда не ходить, но, поразмыслив некоторое время, передумал. Во-первых, это было просто интересно, во-вторых, он и впрямь мог кому-то понадобиться, а в-третьих, Сашка не мог придумать ничего путного.

Мысль о том, что его разыгрывают, Сашка сразу откинул. Разыгрывать его было некому. Однако совсем наивным он себя не считал, и вообще осторожность еще никогда никому не мешала. В конце концов Сашка явился к месту свидания задолго до назначенного часа.

Спустившись по косогору мимо старого здания бывшей гимназии, он по легкой кладке перебрался через подёрнутую зловонной ряской старицу, пересёк заболоченный луг и, взобравшись на защитную дамбу, отделявшую от реки часть поймы, огляделся по сторонам.

Река, протекавшая вдоль дамбы, чуть ниже по течению отступала в сторону, и на этом кусочке берега густо росли высокие ивы. Заложив руки за спину, неспешным прогулочным шагом Сашка медленно пошёл по дамбе и, дойдя до деревьев, внимательно осмотрелся.

До войны здесь была лодочная станция. В оккупацию сооруженьице растащили на дрова, и теперь из земли выглядывали столбы фундамента, да вдоль берега вкривь и вкось торчали подмытые рекой брусья развалившейся купальни. Зато ветлы и ивы, густо посаженные при постройке, разрослись в небольшую тенистую рощицу.

Свидание было назначено возле крайней раздвоенной ветлы, один из стволов которой навис над самой водой. Сашка сбежал с дамбы и подошёл ближе. Сидеть прямо под деревом он вовсе не собирался. Ему хотелось найти местечко, чтобы видеть все подходы к роще,

а отсюда всё загораживала насыпь, и Сашка, выбравшись назад на дамбу, начал отходить в сторону.

Примерно метрах в ста от купальни стояла неизвестно как попавшая на дамбу скамейка из искусственного мрамора. Дойдя до неё, Сашка сел на прогревшееся за день сиденье и удовлетворённо хмыкнул. Если неизвестный «П-В» придёт со стороны еврейского кладбища, он обязательно пройдет рядом, а тропка, пересекавшая луг наискось со стороны Подзамче, просматривалась отсюда от начала и до конца.

До назначенного срока оставалось ещё много времени, и Сашка, угревшись на тёплой плите, пока только изредка поглядывал вдоль дамбы. Мимо него проходили люди, но ни один из них не сворачивал к деревьям. Шли в основном мужики, сокращавшие путь от Вульки, да время от времени, поднимая босыми пятками пыль, пробегали стайки мальчишек.

Сначала Сашка провожал внимательным взглядом каждого, а потом, порядком заскучав, взялся рассматривать луг, отливавший глубокой зеленью, да россыпь белёных хаток под дальним склоном, окружавших старинную церковь с маленьким серебристым куполом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.